

**АНАЛИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ПЕРЕВОДА
РОМАНА ЯКОБСОНА**

ИРИНА ГЮНАЙ

Публикации Стамбульского Университета «АЙДЫН»

АНАЛИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ПЕРЕВОДА РОМАНА ЯКОБСОНА

Председатель редколлегии: Доктор Мустафа Айдын

Автор: Ирина Гюнай

Дизайн обложки и страниц: Отдел визуального дизайна Стамбульского университета «Айдын»

Год издания: 2020

Издание: I

Место печати:

ISBN:

Copyright © Стамбульский университет «Айдын»

Все права защищены. Авторские и визуальные материалы не могут быть опубликованы полностью или частично без разрешения.

Все права на эту книгу принадлежат Стамбульскому университету «Айдын».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот труд является результатом магистерской диссертационной работы, написанной в 2018 году. Значимость идей Романа Якобсона безгранична для филологии, теории перевода, переводоведения и семиотики. Бесспорно, немаловажное место она занимает и в турецкой филологии и тюркологии. Данная исследовательская работа была создана в Турецкой Республике в Стамбульском университете «Айдын». Неугасающие споры, касающиеся перевода и переводоведения необычайно актуальны. Колоссален интерес к вопросам теории перевода по данной теме и в Турции. Проработанные и изученные материалы в исследовании помогут тем, кто занимался и продолжает заниматься аспектами перевода в настоящее время.

В работе проводится детальный анализ лингвистических аспектов перевода, выделенных Романом Якобсоном в своей классической работе «О лингвистических аспектах перевода», впервые опубликованной в 1959г. и взглядов учёных-лингвистов на выделение Р. Якобсоном трёх видов перевода: внутриязыкового, межъязыкового и межсемиотического или трансмутации.

Данная работа состоит из: введения, четырёх глав и заключения. Во введении рассматриваются: объект, актуальность, цель, задачи, новизна, практическая значимость, используемая методологическая и теоретическая база, структура работы, а также даются объяснения по каждой главе. В первой главе уделяется внимание теоретическим предпосылкам проблемы перевода и переводоведения в концепции Р. Якобсона. Во второй главе рассматриваются вопросы, касающиеся внутриязыкового перевода или переименования, а также выделение лингвистами его двух типов: диахронного и синхронного с их дальнейшим детальным анализом. Кроме того даётся определение понятия интерпретации через призму мнений разных учёных. В третьей главе уделяется внимание вопросу межъязыкового перевода в концепции Р. Якобсона и других учёных. В этой главе затрагиваются вопросы эквивалентности и непереводаемости, металингвистики и метаязыка, существования разных точек зрения исследователей на категорию числа, вида и рода в межъязыковом переводе, а также проблема перевода поэзии. В четвёртой главе рассматривается проблема межсемиотического перевода или трансмутации. Уделяется внимание вопросу рекламы и

экранизации в межсемиотическом переводе, а также рассматривается представление межсемиотического перевода с позиции невербальной знаковой системы (музыки) в вербальную. В заключении подводятся итоги и отмечаются выводы, к которым удалось прийти.

Отдельно хочется выразить благодарность тем людям, кто внёс определённый вклад в осуществление этого проекта, а также всем моим близким, кто поддерживал и помогал мне.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ИТ: исходный текст

ИЯ: исходный язык

ОПОЯЗ: общество изучения поэтического языка

ПТ: переводной текст

ПЯ: переводящий язык

РЛЯ: русский литературный язык

СРЛЯ: современный русский литературный язык

СРЯ: современный русский язык

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	I	III. Вопросы непереводимости в межъязыковом переводе	44
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	III	IV. Вопросы металингвистики и метаязыка в концепции Р. Якобсона	47
ВВЕДЕНИЕ	1	V. Анализ различных точек зрения учёных на категорию числа, вида и рода в Межъязыковом переводе	49
ГЛАВА I - ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ В КОНЦЕПЦИИ Р. ЯКОБСОНА	8	VI. Проблема межъязыкового перевода поэзии	54
I. История вопроса о переводе и переводоведении с разных исследовательских позиций	9	VII. Выводы	55
II. Проблематика перевода в концепции Р. Якобсона	12	ГЛАВА IV - МЕЖСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД ИЛИ ТРАНСМУТАЦИЯ	57
III. Эквивалентность и переводимость, как основные составляющие перевода	14	I. Определение понятия межсемиотический перевод через призму мнений разных учёных	57
IV. Проблема перевода поэзии	17	II. Роль рекламы в межсемиотическом переводе	58
V. Выводы	18	III. Разные подходы к проблеме межсемиотического перевода	62
ГЛАВА II - ВНУТРИЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕВОД ИЛИ ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ	20	IV. Вопросы экранизации в межсемиотическом переводе	64
I. Разные подходы к проблеме внутриязыкового перевода	20	V. Представление межсемиотического перевода с позиции Невербальной знаковой системы (музыки) в вербальную	69
II. Определение понятия интерпретации через призму мнений разных учёных	23	VI. Взгляд на межсемиотический перевод с точки зрения У. Эко	71
III. Два типа внутриязыкового перевода, выделенные исследователями-лингвистами: диахронный и синхронный	26	VII. Выводы	75
IV. Взгляд на внутриязыковой перевод с точки зрения У. Эко	32	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	77
V. Выводы	37	SON SÖZ	81
ГЛАВА III - МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕВОД	39	СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	83
I. Анализ различных точек зрения учёных на межъязыковой перевод	39		
II. Вопросы эквивалентности в межъязыковом переводе	41		

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день проблема перевода формируется на пересечении языкознания, истории, философии, психологии, культурологии, семиотики и многих других наук. Некоторые полагают, что перевод – это ученический, незначительный труд, быть может, думая о переводе только как о форме обучения. Следует принять во внимание тот факт, что мнение такое является, безусловно, ошибочным, так как существование отдельной науки о переводе – переводоведении, помогает понять и разобраться в проблемах, возникающих в процессе перевода и его закономерностях. Проблемой перевода интересовались люди с давних времён. В настоящее время интерес к этой проблеме не исчез, поэтому вопросы перевода и переводоведения являются, на наш взгляд, важными и актуальными. Этим обусловлен выбор темы данной работы.

Темой нашего исследования является анализ лингвистических аспектов перевода Романа Якобсона.

Объектом данного исследования является подробное ознакомление и анализ работы Романа Якобсона «О лингвистических аспектах перевода» и мыслей других лингвистов по выделенным им трём видам перевода: внутриязыковому, межъязыковому и межсемиотическому.

Актуальность работы заключается в том, что мы хотим подчеркнуть важность рассмотрения Р. Якобсоном не только межъязыкового перевода, являющегося вполне классическим типом, но и внутриязыкового или переименования и межсемиотического или трансмутации.

Предметом исследования является подробный анализ лингвистических аспектов перевода (по Р. Якобсону).

Целью исследования является: на основе собранной научно-исследовательской литературы, посредством её системного изучения и анализа, создать в одной работе подробный анализ лингвистических аспектов перевода Р. Якобсона.

Отсюда вытекают следующие задачи:

- обзор научных статей и книг, посвящённых данной теме;

- проанализировать классификации трёх видов перевода и примеров, выделенных Р. Якобсоном;
- изучить анализ видов перевода, сделанных учёными-лингвистами;
- определить практическую значимость проделанной работы.

Новизна данной научно-исследовательской работы заключается в том, что проводя исследование, из множества переработанного нами научного материала, мы не встретили работ, включающих полный анализ трёх типов перевода, предложенных Р. Якобсоном в своей классической работе «О лингвистических аспектах перевода». Особенная значимость новизны работы состоит в детальном анализе данной темы, касающейся непосредственно перевода и переводоведения, затрагивающихся Р. Якобсоном и другими учёными-лингвистами в своих работах. Роль якобсоновских идей велика для филологии, переводоведения, семиотики и теории перевода. Безусловно, немаловажное место она занимает и в турецкой филологии и тюркологии. Данная работа была написана в Турции. К теоретическим вопросам по этой теме в Турции существует большой интерес, поэтому все полученные исследования и их результаты внесут определённый вклад в обозначенную область исследований.

Практическая значимость работы: применение материалов нашего исследования преподавателями, студентами и людьми, интересующимися проблемами перевода.

Методологическую и теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных учёных дьякобсоновского и послеякобсоновского периода таких как: Р. Якобсон, В. Н. Комиссаров, Н. К. Гарбовский, Н. А. Автономова, М. Устинофф, М. Б. Раренко, У. Эко, А. Д. Швейцер, А. Потеня, В. А. Звегинцев, О. С. Ахманова, Эрих Прунч, С. В. Тюленев, Л. В. Полубиченко, Б. Чович, Н. В. Бардина, О. А. Леонтонович, Я. Пробштейн, В. В. Сдобникова, О. В. Петрова и др. В работе также были использованы: интернет-ресурсы, академические журналы, лингвистические словари и грамматики.

Данная тема является мало изученной, что подтверждает её уникальность. Уникальность состоит и в том, что Р. Якобсон впервые в науке нашёл феноменальный подход к выделению таких типов перевода как: внутриязыковой, межъязыковой и межсемиотической. Следует заметить,

что первый и последний, в отличие от второго типа, являются, по нашему мнению, непревзойдёнными, так как их создание принадлежит именно Р. Якобсону.

Структура исследования сформирована в соответствии с поставленными целями. Данная работа состоит из: списка условных сокращений, введения, четырёх глав, заключения и списка литературы.

Во введении аргументируется выбор темы, её актуальность; обозначаются объект и предмет исследования; выявляются цели и практическая значимость работы; определяется методологическая и теоретическая база данной работы, основанная на трудах учёных-исследователей.

В первой главе «Теоретические предпосылки проблемы перевода и переводоведения в концепции Р. Якобсона» отражаются:

- интересные, на наш взгляд, моменты жизни, творчества и личности Р. Якобсона;
- описывается концепция истории вопроса о переводе и переводоведении;
- уделяется внимание взглядам разных учёных на определение слова перевод, а также особый подход Р. Якобсона к пониманию перевода и выделение им трёх видов перевода;
- рассматривается существенный вклад Р. Якобсона в осмысление лингвистических особенностей перевода и развитие лингвистической теории перевода как науки;
- описывается особый взгляд Р. Якобсона на перевод как на обмен знаками внутри одного языка, при переходе с одного языка на другой или при переходе от одной системы знаков в другую;
- объясняются понятия языкового знака и значения лингвистического знака в концепции Р. Якобсона;
- рассматривается анализ расстановки трёх видов перевода, предложенной Р. Якобсоном и другими учёными-исследователями;

- описываются эквивалентность, как основной признак перевода по отношению к тексту-оригиналу, переводимость, как главное свойство, характерное любой языковой паре и непереводимость, как основная проблема, которую оспаривает Р. Якобсон в работе «О лингвистических аспектах перевода» и над которой размышляют исследователи;
- отражается объяснение различия языков в концепции Р. Якобсона;
- уделяется внимание проблеме поэзии и её перевода с якобсоновской точки зрения и с позиции других учёных-лингвистов.

Во второй главе «Внутриязыковой перевод или переименование»:

- рассматривается использование термина внутриязыкового перевода, впервые выделенного Р. Якобсоном в статье «О лингвистических аспектах перевода», а также мнение Р. Якобсона о значении лингвистического знака;
- уделяется внимание тому, что при внутриязыковом переводе, процесс развёртки знака, при переводе его в другой знак, очень важен с позиции наиболее точного понимания;
- поясняется момент изменившегося статуса перевода, позволяющего говорить о внутриязыковом переводе как о вполне полном виде и его практической нераспространённости;
- объясняется определение внутриязыкового перевода (по Р. Якобсону) и с позиций других исследователей;
- рассматривается понятие интерпретации и анализ мыслей Р. Якобсона и других лингвистов, касающихся данного определения;
- отражается выделение исследователями-лингвистами во внутриязыковом переводе двух типов: диахронного и синхронного, имеющих подтипы с подробным анализом и примерами;
- рассматривается подробный анализ «Слова о полку Игореве», как примера внутриязыкового перевода;

- объясняется внутриязыковой перевод с позиции нормирования слов в соответствии с правилами СРЯ, а также как стилистической модификации;
- описывается противоположная точка зрения, касательно внутриязыкового перевода с дальнейшим подробным анализом, в котором также рассматривается анализ сцены убийства Полония Гамлетом с целью подтверждения мыслей о том, что перевод и переформулирование – это разные понятия.

В третьей главе «Межъязыковой перевод»:

- объясняется определение межъязыкового перевода (по Р. Якобсону);
- рассматриваются разные взгляды исследователей на межъязыковой перевод с подробным анализом примеров;
- объясняется определение внутриязыкового перевода с позиций учёных-лингвистов;
- рассматривается анализ позиции родственных языков в межъязыковом переводе через примеры;
- уделяется внимание осмыслению проблемы перекодирования в межъязыковом переводе Р. Якобсоном и другими языковедами;
- отражается проблема эквивалентности при существовании различия, как основной проблемы лингвистики в дискурсе Р. Якобсона и исследователей-лингвистов;
- рассматривается проблема непереводимости во взглядах лингвистов;
- описывается через межъязыковой перевод объяснение значения слова для достижения максимально близкого понятийного эффекта с подробным анализом примеров Р. Якобсона;

- уделяется внимание вопросам металингвистики и метаязыка в концепции Р. Якобсона;
- отражаются проблемы передачи с языка на язык несуществующей категории в переводимом языке, через анализ примеров, предложенных Р. Якобсоном;
- рассматривается анализ категории числа, вида и рода в межъязыковом переводе Р. Якобсоном и другими лингвистами;
- уделяется внимание межъязыковому переводу поэзии в концепции Р. Якобсона и взглядов на данный вопрос других исследователей языковых проблем.

В четвёртой главе «Межсемиотический перевод или трансмутация»:

- объясняется определение межсемиотического перевода (по Р. Якобсону) и с позиций других исследователей;
- описывается возникновение межсемиотического перевода и его приобретённой актуальности в настоящее время;
- рассматривается роль рекламы и телепередач в межсемиотическом переводе;
- уделяется внимание межсемиотическому переводу рекламы как буквальному переводу;
- рассматривается анализ создания мультимедийного рекламного дискурса;
- проводится детальное рассмотрение рекламного ролика с его последующим анализом;
- описывается анализ процесса межсемиотического перевода и выявления в таком процессе дискретных и континуальных (недискретных) знаковых систем учёными-лингвистами;
- уделяется внимание трудностям перевода креализованных текстов;

- рассматриваются разные взгляды языковедов на проблему межсемиотического перевода;
- проводится детальное рассмотрение анализа примера взаимосвязи интра- и интерсемиотического перевода, через который прослеживается трансформация вербальной формы перевода в живопись;
- рассматривается выделение межсемиотического перевода литературного произведения в виде экранизации, балетной или театральной постановки для театра кукол, инсценировки для радио или иллюстрации к тексту;
- уделяется внимание рассмотрению проблемы реализации трансмутации;
- рассматривается анализ экранизации, как одного из видов трансмутации, с последующим обозрением её классификации;
- отражается представление интерсемиотического перевода с позиции невербальной знаковой системы (музыки) в вербальную;
- описываются взгляды учёных на музыкальную семантику;
- рассматриваются основные причины различия музыкального текста и вербального перевода;
- объясняется музыкальная вербализация как путь к пониманию и реализации музыкального текста;
- описывается противоположная точка зрения касательно межсемиотического перевода с подробным анализом.

В заключении подытоживается материал проведённого исследования, суммируются выводы, которые делаются в конце каждой из глав и в конце работы приводится список использованной литературы.

ГЛАВА I - ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ В КОНЦЕПЦИИ Р. ЯКОБСОНА

Данная работа посвящается выдающемуся человеку, одному из крупнейших российских и американских лингвистов и литературоведов XX века – Роману Осиповичу Якобсону, и его взгляду на перевод с лингвистической точки зрения. В настоящее время труды этого выдающегося учёного известны всему миру. Он работал в области общей теории языка, русского языка, русской литературы, морфологии, фонологии, грамматики, поэтики, семиотики, славистики, психолингвистики. А. К. Жолковский в своих мемуарных заметках писал о Р. Якобсоне как об удивительном и великом человеке. Познакомившись с ним и начав читать его труды, А. К. Жолковский мысленно зачисляется в ученики Р. Якобсона. (Жолковский 2003, с. 350).

Прежде чем перейти к анализу научной работы Р. Якобсона, хотелось бы сказать несколько слов о нём как о феноменальном человеке. Основной чертой личности Романа Якобсона являлось его умение, участвуя в общих начинаниях, становиться их ядром. Он был создателем и первым председателем Московского лингвистического кружка, основанного в 1915 году. Р. Якобсон также являлся одним из основателей и активнейшим участником ОПОЯЗа и Пражской лингвистической школы (Кедрова, Омельянова, Егоров).

Среди множества его известных работ наше внимание привлекла статья «О лингвистических аспектах перевода» перевод с английского Л. А. Черняховской, напечатанная в книге - Роман Якобсон «Избранные работы» Москва «Прогресс» 1985г., которая впервые была опубликована в 1959г. в сборнике «On Translation» (О Переводе). Этот известный сборник, издававшийся научным книжным издательством Гарвардского университета, в дальнейшем повлиял на историю формирования лингвистической теории перевода.

I. История вопроса о переводе и переводоведении с разных исследовательских позиций

А. Паршин (1999, с. 1) в своей книге «Теория и практика перевода» замечает, что на сегодняшний момент одним из сложных вопросов современного языкознания является вопрос перевода, а именно вопрос переводческой деятельности. Бесспорно, слово «перевод» имеет давнюю историю. Этимологический анализ этого понятия был сделан такими исследователями как А. В. Фёдоров, В. С. Виноградов, Н. С. Автономова, Н. К. Гарбовский и многими другими (Бевз 2011, с. 168).

Э. А. Сорокина в своей книге «Теория перевода. История перевода. (История зарубежного перевода)» пишет о том, что долгое время перевод относился к литературоведческому явлению, которое зависело от литературы, и было тесно связано с литературой. Такое переводоведческое представление объяснялось тем, что и в Европе, и в России на протяжении многих лет интерес к трудностям переводческой деятельности уделялся лишь в области литературы художественной. Конечно, нельзя не учесть и того, что обычно переводы делали писатели и поэты. На данный момент, теория перевода (переводоведение) является дисциплиной лингвистической (Сорокина 2011, с. 8). Далее, говоря о переводоведении, Сорокина подчёркивает: «Переводоведение – входит в число филологических дисциплин, имеет тесные связи практически со всеми науками, изучающими человека и его мышление, историю и культуру государств, средства и способы коммуникации» (Сорокина 2011, с. 10).

Настало время посмотреть на само определение «перевод» с исследовательской точки зрения. Н. К. Гарбовский в своей книге «Теория перевода» повествует о существовании множества разных определений перевода. Любой исследователь, который хочет разработать свою теорию, обычно, предлагает также своё определение объекта исследования» (Гарбовский, 2007, с. 5). Он указывает на то, что перевод является сложным, многосторонним явлением и отобразить его сущностные стороны в одном определении невозможно. Слово перевод многозначно и сопоставляется с разными понятиями: «перевод как некая интеллектуальная деятельность, т.е. процесс, и перевод как результат этого процесса, продукт деятельности, иначе говоря, речевое произведение, созданное переводчиком» (Гарбовский, 2007, с. 6).

А. В. Федоров в своей книге «Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы)» рассматривает перевод с одной стороны как определённый процесс пересоздания текста с языка на язык, с другой - как результат этого процесса.

Слово «перевод» принадлежит к числу общеизвестных и общепонятных, но и оно, как обозначение специального вида человеческой деятельности и её результата, требует уточнения и терминологического определения. Оно обозначает: 1) процесс, совершающийся в форме психического акта и состоящий в том, что речевое произведение (текст или устное высказывание), возникшее на одном — исходном — языке (ИЯ), пересоздается на другом — переводящем — языке (ПЯ); 2) результат этого процесса, т. е. новое речевое произведение (текст или устное высказывание) на переводящем языке (ПЯ) (Федоров 2002, с. 13).

Вслед за А. В. Федоровым, В. С. Виноградов в своём пособии «Введение в переводоведение» предлагает аналогичную точку зрения по поводу определения перевода:

... вызванный общественной необходимостью процесс и результат передачи информации (содержания), выраженных в письменном или устном тексте на одном языке, посредством эквивалентного (адекватного) текста на другом языке (Виноградов 2001, с. 6).

В своей книге, посвящённой вопросам общей теории перевода, Н. К. Гарбовский (2007) говорит о том, что перевод, являясь общественной функцией коммуникативного посредничества, реализуется в процессе психофизической работы переводчика, благодаря его индивидуальным особенностям интерпретатора, который осуществляет полную передачу сообщения.

Перевод — это общественная функция коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами, реализующаяся в ходе психофизической деятельности билингва по отражению реальной действительности на основе его индивидуальных способностей интерпретатора, осуществляющего переход от

одной семиотической системы к другой с целью эквивалентной, т.е. максимально полной, но всегда частичной, передачи системы смыслов, заключённой в исходном сообщении, от одного коммуниканта другому (Гарбовский 2007, с. 214).

По-особому подходит к пониманию перевода Н. С. Автономова в своей книге «Познание и перевод». Она говорит, что не следует воспринимать перевод только с языка на язык, а следует вслед за Р. Якобсоном рассматривать этот термин и в широком смысле, и тогда, нужно будет отдать честь не только межъязыковому переводу, но и внутриязыковому, а также межсемиотическому.

Перевод может рассматриваться не только в узком (или «собственном»), но и в широком смысле слова. И тогда переводом можно будет назвать, вслед за Романом Якобсоном, не только межъязыковой перевод, но также перевод внутриязыковой (перифраза) или межсемиотический (между разными коммуникативными системами, например из романа в фильм) (Автономова 2008, с. 10-11).

В нашей работе мы будем рассматривать подход к проблеме перевода с якобсоновской точки зрения и постараемся детально изучить три типа перевода, выделенные Якобсоном в своём труде «О лингвистических аспектах перевода».

Необходимо, на наш взгляд, заглянуть в историю развития лингвистической теории перевода. Как пишут В. В. Сдобников и О. В. Петрова в своей книге «Теория перевода», начиная с 30-х годов, развитию лингвистической теории перевода, благоприятствовало существенное расширение деятельности переводчиков, а также усиление международных контактов. Учёные стали точнее понимать, что основные сложности перевода и особенности процесса перевода, являются условием разногласия в принципах и структурах функционирования языков, задействованных в данном процессе (Сдобников, Петрова 2007, с. 59).

Этой теме также коснулся В. Н. Комиссаров, подчёркивая, что в процессе перевода только знание двух языков было недостаточно, важно было

переводить, опираясь на определённые правила и «условия перехода» слов одного языка в слова другого:

Осуществление массовой подготовки переводческих кадров обнаружило недостаточность традиционной формулы квалификации переводчика: «Для того чтобы переводить, необходимо знание двух языков и предмета речи». Оказалось, что факторы, указанные в этой формуле, сами по себе не обеспечивают умения квалифицированно переводить, что надо не просто знать два языка, но знать их «по-переводчески», т.е. в сочетании с правилами и условиями перехода от единиц одного языка к единицам другого (Комиссаров 1990, с. 18).

В. В. Сдобников и О. В. Петрова в вышеупомянутой книге говоря о 50 - 60 годах подчёркивают, что в те годы вышли в свет работы, в которых рассматривались трудности лингвистической теории перевода как науки, которая находилась в то время на ступени развития. В это время немаловажное значение в осмыслении лингвистических особенностей перевода, а также в развитии лингвистической теории перевода исполнила работа «О лингвистических аспектах перевода» Романа Якобсона (Сдобников, Петрова 2007, с. 61-62).

II. Проблематика перевода в концепции Р. Якобсона

Микаэль Устинофф (2011) – профессор университета Ниццы, в своей работе «Роман Якобсон и французская школа перевода», говорит о том, что статья Романа Якобсона «О лингвистических аспектах перевода» была написана по-английски, и это — является важной деталью, так как, зная многие языки, он в данной работе отдал предпочтение именно английскому языку, чтобы обеспечить своему творению наибольшее распространение. Точно и обоснованно в данной статье входит в лингвистику проблематика перевода. Автор говорит о том, что Якобсон вслед за Пирсом, перевод определяет как обмен знаками внутри одного языка или с языка на другой язык, или при переходе от одной системы знаков к другой.

Опираясь на семиотику Пирса, Роман Якобсон определяет перевод, как простой обмен знаками: либо внутри одного языка, и тогда речь идёт о «переименовании» (rewording), либо в ходе перехода с одного языка на другой, и тогда речь идёт о

«собственно переводе» (translation proper), либо, наконец, при переходе от одной системы знаков к другой, и тогда речь идёт о межсемиотическом переводе, или «трансмутации» (Устинофф 2011, с. 37).

Конечно, все знают, что не всегда за определением «знак», которое объединяет форму и значение, стоит минимальная единица, которую часто соотносят со словом. В словаре лингвистических терминов Т. В. Жеребило (2010, с. 111) даёт такое понятие языкового знака: «Языковой знак (слово, словосочетание, предложение, текст), используемый для обозначения предметов, признаков, ситуаций и т.п.»

Е. П. Карзенкова повествует о том, что одним из главных понятий переводческой деятельности, является понятие «значения». Она подчёркивает: «Причём оказываются важными значения единиц самых разных уровней языка (речи): слова, сочетания слов, предложения, высказывания и даже целого текста» (Карзенкова 2015, с. 324).

Вот, что говорит по поводу значения лингвистического знака сам Роман Якобсон: «Для нас, лингвистов и просто носителей языка, значением любого лингвистического знака является его перевод в другой знак, особенно в такой, в котором ... “оно более полно развёрнуто”» (Якобсон 1985, с. 362). Из понимания Якобсоном значения лингвистического знака следует то, что переводческий механизм функционирует в разных видах коммуникации, а именно: межъязыковой, внутриязыковой и межсемиотической, «перевод может быть как интракультурным, так и интеркультурным» (Баринаева, Нестерова 2009, с. 12).

В своей работе «О лингвистических аспектах перевода» Якобсон предлагает для рассмотрения три вида перевода:

- 1) Внутриязыковой перевод, или переименование, – интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка.
- 2) Межъязыковой перевод, или собственно перевод, - интерпретация вербальных знаков посредством какого-либо другого языка.

3) Межсемиотический перевод, или трансмутация, - интерпретация вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем (Якобсон 1985, с.362).

Умберто Эко (2006), объясняя подход Р. Якобсона к переводу, говорит о том, что первое место автор уделяет переводу интралингвистическому, т. е. «внутриязыковому». Второе место занимает перевод интерлингвистический, т. е. межъязыковой, являющийся переводом в «собственном смысле слова», и третье место занимает перевод интерсемиотический, т. е. межсемиотический. При использовании такого вида перевода, (и в этом содержалась оригинальность автора) как подчёркивает Умберто Эко, роман можно перевести в фильм или сказку, в балет.

Интерлингвистический [межъязыковой] перевод имеет место, если некий текст переводят с одного языка на другой, то есть в том случае, когда налицо «интерпретация вербальных знаков посредством знаков некоего другого языка» (это перевод в собственном смысле слова). Интерсемиотический [межсемиотический] перевод (и в этом заключалась самая новаторская черта предложения Якобсона) тот, в котором имеет место «интерпретация вербальных знаков посредством знаков невербальных», то есть когда «переводят», например, роман в фильм или сказку в балет. Следует отметить, что Якобсон предлагал также называть такой перевод трансмутацией, и этот термин ещё заставит нас призадуматься Но на первое место Якобсон поставил перевод. интралингвистический, «внутриязыковой», называемый также пересказом (rewording*), что должно означать: «интерпретация вербальных знаков посредством других знаков того же самого языка» (Эко 2006, с. 270).

III. Эквивалентность и переводимость, как основные составляющие перевода

Говоря о переводе, необходимо уделить должное внимание эквивалентности, так как признаком перевода является его эквивалентность по отношению к первичному тексту. Перевод, выступая в роли первичного текста, заменяет его, таким образом, «важной

характеристикой перевода признается его вторичность» (Раренко 2010, с. 116).

Термин «эквивалентность» в теории перевода, как пишет М. В. Межова (2012) в своей статье, обозначает сходство текста перевода с текстом оригинала. Она говорит о том, что впервые этот термин предложил одобрить касательно перевода Якобсон в своей работе «О лингвистических аспектах перевода».

Эквивалентность имеет объективную языковую основу и, как правило, включает в себя представления о результате перевода, максимально близком к оригиналу, и о средствах этого результата. Термин «эквивалентность» относительно перевода предложил принять Р. Якобсон в статье «О лингвистических аспектах перевода»: «эквивалентность - это переводческий прием, который заключается в описании той же ситуации, что и в оригинале, но в абсолютно другой редакции» (Межова 2012, с. 78).

Роман Якобсон в свою очередь, как подчёркивает Н. К. Гарбовский в своей книге «Теория перевода», указывал на чрезвычайно важную роль перевода для лингвистики: «Расширенное понимание перевода позволило исследователю представить его как универсальное средство лингвистического анализа» (Гарбовский, 2007, с. 183).

Эквивалентность при существовании различия - это кардинальная проблема языка и центральная проблема лингвистики. Как и любой получатель вербального сообщения, лингвист является его интерпретатором. Наука о языке не может интерпретировать ни одного лингвистического явления без перевода его знаков в другие знаки той же системы или в знаки другой системы. Любое сравнение двух языков предполагает рассмотрение их взаимной переводимости (Якобсон 1985, с. 363).

Так, Н. К. Гарбовский (2007, с. 183) говорит о том, что взаимная переводимость, являющаяся одним из главных свойств, характерных любой языковой паре, является основой методики межъязыкового лингвистического анализа. Как мы можем заметить, логичным является высказывание Романа Якобсона в своей статье «О лингвистических

аспектах перевода» о том, что: «... чем полнее комплекс сообщения, тем меньше потеря информации» (Якобсон 1985, с. 365). И как подчёркивает Н. Автономова: «... процедура перевода очень сложна — и в теории и на практике, а потому отчаявшиеся преуспеть в этом деле вновь и вновь провозглашают то, что Якобсон называет «догмой непереводаемости»» (Автономова 2009, с. 258). Р. Якобсон с помощью суждений из практики интерлингвистического перевода в итоге оспаривает эту «догму».

Как пишет Якобсон (1985, с. 364) в своей вышеупомянутой статье: «Там, где отсутствует понятие или слово, можно разнообразить и обогащать терминологию путем слов-заимствований, калек, неологизмов, семантических сдвигов и, наконец, с помощью парафраз». А также говоря об отсутствии какого-либо грамматического явления в языке перевода, пишет о том, что его значение, возможно передать на другой язык с помощью лексики: «Отсутствие в языке перевода какого-либо грамматического явления отнюдь не означает невозможности точной передачи всей понятийной информации, содержащейся в оригинале» (Якобсон 1985, с. 364). Развивая данную мысль, он повествует о том, что: «Если в данном языке отсутствует какая-либо грамматическая категория, ее значение может быть передано на этот язык лексическим путем» (Якобсон 1985, с. 364).

К тому же, как пишет Роман Якобсон (1985, с. 365): «Языки различаются между собой главным образом в том, что в них не может не быть выражено, а не в том, что в них может быть выражено». Эту якобсоновскую мысль так объясняет Наталья Сергеевна Автономова в своей вышеупомянутой книге:

... языки — Якобсон это всячески подчеркивает — различаются между собой не тем, что «что в них может быть выражено» (в них может быть выражено самое разное), но тем, что «в них должно быть выражено» (или, иначе, тем, что языки привносят в сообщение непременно, автоматически, без специального намерения). В любом случае познавательные функции языка, так или иначе, позволяют найти выход из ситуаций языковой несоизмеримости, прибегая к тому, что Якобсон называет «перекодирующей интерпретацией», или переводом (Автономова, 2009, с. 259).

IV. Проблема перевода поэзии

В своей работе Якобсон (1985, с. 366) уделяет внимание и поэзии, говоря о том, что переводя поэзию, проблема перевода становится острее и парадоксальнее: «... в поэзии грамматические категории имеют важное семантическое значение. В таких случаях проблема перевода становится гораздо более запутанной и противоречивой».

В поэтическом искусстве царит каламбур или, выражаясь более ученым языком и, возможно, более точным, паронимазия, и независимо от того, беспредельна эта власть или ограничена, поэзия по определению является непереводаемой. Возможна только творческая транспозиция, либо внутриязыковая - из одной поэтической формы в другую, либо межъязыковая - с одного языка на другой, и, наконец, межсемиотическая транспозиция - из одной системы знаков в другую, например, из вербального искусства - в музыку, танец, кино, живопись (Якобсон 1985, с. 367).

Ян Пробштейн (2014) в лекции, прочитанной в Университете Болоньи 8 октября 2014 года, подчёркивает, что слово, «особенно в поэзии», непереводаемо. Очень важно при переводе поэзии «передать движение поэтической мысли сквозь образ, энергетику и дух оригинала», и тогда можно будет с уверенностью говорить, что перевод удался.

... слово как таковое в художественной литературе, особенно в поэзии, непереводаемо, нет такого транспортного средства, чтобы перевести слова из одного языка в другой, перевести можно лишь то, что в античности называли *energeia* (движение поэтической мысли или повествования сквозь образ) и одновременно — *energeia* в трактовке Средневековья, а затем Гумбольдта — сгусток поэтической мысли, дух, воплощенный в языке, при этом сам язык, по Гумбольдту, есть не произведение (*Ergon*), а деятельность (*Energeia*), то есть «вечно обновляющаяся работа духа, направленная на то, чтобы сделать артикулированный звук выражением мысли». Если удалось передать движение поэтической мысли сквозь образ, энергетику и дух оригинала — значит, перевод удачный. Сохранить же синтаксис, а тем более пунктуацию, грамматику поэзии невозможно. Поэзия — это артикуляция, магия (Пробштейн 2014).

Мы разделяем мнение Микаэля Устиноффа, который говорит, что в настоящее время очень важно при переводе заострить внимание на непереводаемости, вернее на процессе, благодаря которому, непереводаемое превращается в переводимое, так как именно на этом зиждется работа переводчика.

Наше будущее не за семиотикой в духе Пирса, где языки взаимозаменяемы и легко переводимы, но за тем матричным взглядом на язык, который отстаивал Сепир и который основывается на неогумбольдианском подходе к языку как *energeia*. Иначе говоря, нам следует повернуться в сторону непереводаемости или, точнее говоря, в сторону процесса, в ходе которого непереводаемое становится переводимым, без чего не существует настоящего соприкосновения культур (Устинофф 2011, с. 49).

V. Выводы

Таким образом, нам удалось рассмотреть вопрос истории перевода и переводоведения с разных исследовательских позиций. Мы узнали, что перевод может рассматриваться не только в собственном смысле слова, как передача текста с языка на язык или как результат данного процесса, но и возможно рассмотрение перевода, вслед за Р. Якобсоном как межъязыкового, внутриязыкового и межсемиотического.

Рассмотрев вопрос, касающийся истории развития лингвистической теории перевода, мы пришли к заключению, что значительное расширение переводческой деятельности и усиление международных контактов способствовало развитию лингвистической теории перевода, начиная ещё с 30-х годов. Знания двух языков при переводе не хватало, так как обязательным условием являлось создавать перевод в соответствие с поставленными правилами. Мы узнали, что в 50-60-е годы в развитии лингвистической теории перевода сыграл большую роль труд Р. Якобсона «О лингвистических аспектах перевода».

Нам удалось рассмотреть проблематику перевода в концепции Р. Якобсона. Мы узнали, что Р. Якобсон подходит к этому вопросу по-особенному, с семиотической точки зрения, определяя перевод как обмен знаками. Значением лингвистического знака (по Р. Якобсону), является

перевод знака в другой знак, в котором он полностью раскроется. Таким образом, из этого следует, что Р. Якобсон, выделяя три типа перевода, доказывает функционирование знака или посредством межъязыкового перевода или внутриязыкового, быть может, даже с помощью перевода межсемиотического.

Рассмотрев вопросы эквивалентности и переводимости с исследовательских позиций и с позиций Р. Якобсона, мы пришли к заключению, что эквивалентность, как основной признак перевода, должен быть максимально приближен к оригиналу, несмотря на всевозможные различия, существующие между двумя переводами, а переводимость, как главное свойство, присущее языковой паре, предстаёт основой методики межъязыкового лингвистического анализа.

Мы узнали о непереводаемости, как о некоей догме, которую Р. Якобсон в своей вышеупомянутой работе оспаривает с помощью примеров из практики межъязыкового перевода.

Нам удалось рассмотреть проблему перевода поэзии с якобсоновской позиции и с позиции других учёных-лингвистов. Мы пришли к заключению, что, несмотря на всю сложность перевода поэзии, необходимо воплотить непереводаемое в переводимое, так как благодаря этому живёт и творит переводчик.

ГЛАВА II - ВНУТРИЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕВОД ИЛИ ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ

Впервые в науке термин «внутриязыковой перевод», как пишет А. Д. Швейцер (1988, с. 69) в книге по теории перевода, использовал Р. Якобсон в своём труде «О лингвистических аспектах перевода», который был издан в сборнике «On Translation» в 1959 году. В своей работе «О лингвистических аспектах перевода» Роман Якобсон (1985, с. 362) с первой страницы подчёркивает: «Для нас, лингвистов и просто носителей языка, значением любого лингвистического знака является его перевод в другой знак, особенно в такой, в котором, как настойчиво подчёркивал Пирс, ... «*оно более полно развёрнуто*»» (выделено автором). Р. Якобсон говорит о том, что например слово «холостяк» возможно трансформировать в наиболее точное толкование – «неженатый человек», тогда, когда необходима более полная выраженность данного слова (1985, с. 362). Таким образом, из представления Романа Якобсона значения лингвистического знака, следует то, что переводческая система функционирует не только в межъязыковом, но и во внутриязыковом, и межсемиотическом сообщении.

I. Разные подходы к проблеме внутриязыкового перевода

Н. С. Автономова (2009, с. 258) в книге «Открытая структура: Якобсон-Бахтин-Лотман-Гаспаров» подчёркивает, что Р. Якобсон, давая на рассмотрение три типа перевода, на первое место ставит внутриязыковой перевод в связи с тем, что этот вид точнее двух иных видов, иллюстрирует процесс «придания знаку значения в результате его развёртки». К тому же, автор пишет, что для Романа Якобсона, вопрос значения, всегда был очень важным аспектом в исследовательских трудах. По этому вопросу Е. М. Масленникова в своей статье «Внутриязыковой перевод как способ интерпретации вербальных знаков» говорит, что по Якобсону внутриязыковой перевод выступает как один из предложенных методов интерпретации знаков вербальных. При внутриязыковом переводе вербальные знаки интерпретируются посредством иных знаков, которые относятся к данному языку (Масленникова 2015, с. 289-294).

Если мы говорим о положении науки относительно перевода в наши дни, то, как повествуют И. А. Барина и Н. М. Нестерова, оно значительно

изменилось. (Барина, Нестерова 2009, с. 12). На их взгляд в современном понимании о переводе стали важными все семантические составляющие греческого и латинского слов, которые обозначают перевод. Взяв эти слова и проанализировав их, как пишут авторы, мы получаем следующий результат:

Древнегреческое слово «герменейя» означает перевод, толкование, дар речи, речь. Тогда перевести – это значит изъяснить, выразить, истолковать. Латинское «*traduco*» (trans+duco) – водить через. Другое латинское слово «*interpres*» – толковать, объяснять, переводить, комментировать. Приставка «*inter-*» – между, посреди. Interpretatio – посредничество. Таким образом, складывается следующая семантическая картина понятия «перевод»: 1) через; 2) водить, возить; 3) толковать; 4) выражать; 5) комментировать; 6) посредничество (Барина, Нестерова 2009, с. 12).

Далее И. А. Барина и Н. М. Нестерова (2009) подчёркивают, что такой содержательный термин не может обозначать исключительно перевод межъязыковой. Ссылаясь на С. И. Сидоренко, необходимо заметить, что в переводоведении, внутриязыковой перевод находится на особом периферийном положении, так как до конца неясно и спорно его определение, а также остаётся в центре дискурса его практическая нераспространённость. В свою очередь, наличие этого термина является значимым явлением при его последующем теоретическом понимании (Сидоренко 2013, с. 195).

В Толковом переводоведческом словаре Л. Л. Нелюбин (2003) даёт несколько толкований внутриязыкового перевода. Во-первых, он говорит о том, что при ежедневном общении передача определённой информации реализуется благодаря внутриязыковому переводу. Такой перевод содержится в осмыслении говорящих на данном языке слушающими тот же язык. Постоянное интерпретирование одних вербальных знаков иными вербальными знаками зиждется в основе какой-либо одноязычной коммуникации. Члены общения, становятся в некотором роде переводчиками в связи с тем, что совершается «уточнение и выяснение сказанного». Совершается замена мыслей, другими словами производится перевод-пересказ в той же самой системе знаковых кодов.

«Внутриязыковой перевод — это перекодирование текста из одного функционального стиля, из одного жанра в другой, пересказ на том же языке, изложение, адаптивное и т.д. В этой особенности понимаемости и переводимости и состоит особенность коммуникативности» (Нелюбин 2003, с. 32). Во-вторых, Л. Л. Нелюбин повествует о том, что внутриязыковой перевод подобен трансформации. В-третьих, в след за Романом Якобсоном говорит о внутриязыковом переводе как о переименовании. В-четвёртых, перевод внутриязыковой уподобляет переложению определённого текста в иной, подобного смысла в другом виде в пределах одного языка, и в-пятых, объясняет внутриязыковой перевод как истолкование знаков вербальных с помощью знаков данного языка, а также говорит о том, что древнерусские тексты в переводе на СРЯ неотъемлемо являются внутриязыковым переводом (Нелюбин 2003, с. 31-32).

Развивая мысль, С. И. Сидоренко (2013) пишет о том, что критический подход, касающийся внутриязыкового перевода, а также стремление переименовать его на адаптацию, переименование или перефразирование в первую очередь обуславливается тем, что в настоящее время существует общепринятое использование понятия «перевод» с языка на язык, но, в пределах только одного языка процесс изменения материала неполноценен и, в основном, заменяет его некоторые части. Однако необходимо всегда помнить о главной переводческой функции — предоставить реципиенту точное осмысление вербального продукта, образованного автором.

Сидоренко полагает, и мы поддерживаем данную точку зрения о том, что понятие «внутриязыковой перевод» обладает всеми правами «существования как такой, который идентифицирует процесс передачи средствами того же языка содержания речевого продукта, которое вследствие исторического развития языка, его территориальной или социальной вариативности не может быть адекватно воспринято среднестатистическим носителем современного языкового стандарта, а также результат этого процесса» (Сидоренко, 2013, с. 196).

В свою очередь, как замечает А. В. Павлова (2013), якобсоновское понимание перевода было намного шире обычного понимания, так как оно включало помимо перекодирования межъязыкового, перекодирование

внутриязыковое. Она пишет о том, что люди всегда, говоря о чём-то, выражают свои мысли разными методами, используя синонимию. Значит, мысли людей находятся в разуме «в виде инварианта» в неизменном образе вне их словесной реализации. Ежедневной действительностью мыслительно-речевой практики человека является понимание того, что хотелось бы передать, не ведая, каким образом воспримется понимаемое, либо находить методы пересказа. Перефразирование (пересказ) необходимо для того, чтобы не говорить одно и то же либо объяснить мысль наиболее трудным или наиболее сложным образом (Павлова 2013, с. 9-10).

Итак, по Р. Якобсону (1985, с. 362): «Внутриязыковой перевод, или переименование, - интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка». При таком переводе, как пишет сам учёный, употребляется или противоположное слово, которое относительно синонимичное исходному, или изложение текста своими словами (парафраз). Далее Р. Якобсон говорит о том, что обыкновенно синонимы не являются полностью эквивалентными и приводит пример: «Every celibate is a bachelor, but not every bachelor is a celibate (Каждый давший обет безбрачия, - холостяк, но не каждый холостяк - это человек, давший обет безбрачия)» (Якобсон 1985, с. 362).

II. Определение понятия интерпретации через призму мнений разных учёных

Н. С. Автономова подчёркивает, что говоря о словесной коммуникации, учёный-лингвист или обычный человек принимают языковую информацию под воздействием интерпретации. В свой черёд, интерпретация основывается на замене (переводе) знаков в единой языковой системе или в иной (противоположной) системе (Автономова 2009, с. 258).

А что же есть интерпретация? В Толковом переводоведческом словаре Л. Л. Нелюбина (2011) даются следующие значения интерпретации:

1. Вид перевода, основанный на обращении к внеязыковой действительности, в отличие от собственно перевода, осуществляемого по заданным правилам без обращения к внеязыковой действительности; при интерпретации соответствие устанавливается через референта, а не через

смысл; исключено обращение к действительности, к предшествующему опыту переводчика.

2. Смысловой способ перевода, т.е. перевод с обращением к действительности.

3. Перевод, включающий привлечение в лингвистических данных.

4. Предполагает, в отличие от пассивного восприятия исходного текста, активный, аналитический подход к порождению речевого произведения, так как из-за несоизмеримости ИЯ и ПЯ лингвистически верный перевод невозможен, а возможна лишь интерпретация.

5. См. объяснительный перевод.

6. Переложение, индивидуальное толкование текста.

7. Раскрытие содержания произведения во всей полноте его семантического, прагматического, эстетического потенциала.

8. Объяснение, толкование, разъяснение смысла, значения чего-либо (Нелюбин 2011, с. 65).

Как пишет Р. Якобсон, интерпретировать слово или единицу более высокого уровня возможно всецело путём эквивалентного соединения кодовых единиц, другими словами через текст, который принадлежит данной кодовой единице и приводит тому яркий пример:

Every bachelor is an unmarried man, and every unmarried man is a bachelor (Каждый холостяк - это неженатый человек, и каждый неженатый - холостяк) или: Every celibate is bound not to marry, and everyone who is bound not to marry is a celibate (Каждый, кто дает обет безбрачия, обязуется не жениться, и каждый, кто обязуется не жениться, есть человек, давший обет безбрачия) (Якобсон 1985, с. 362).

Свои мысли по поводу интерпретации излагает Умберто Эко. У. Эко - итальянский учёный-философ, писатель, переводчик, специалист по семиотике, профессор Болонского университета, лично знавший Р. Якобсона, с критической точки зрения подходит к данному вопросу.

Десятую главу в своей книге У. Эко (2006) посвящает вопросу интерпретации и озаглавливает её: «Интерпретировать» – не значит «переводить». Он говорит о том, что выделяя типы перевода, Роман Якобсон три раза использует слово интерпретация, так как по-другому он сделать не мог в связи с тем, что среди других учёных, он был первым, кто обнаружил продуктивность идей Пирса. Выделение Якобсоном таких видов перевода для многих стало не совсем ясным и двояким. У. Эко подчёркивает то, что Р. Якобсон, говоря о трёх видах перевода как об интерпретациях, видимо, хотел сказать о том, что все выделенные им (Р. Якобсоном) виды перевода являются интерпретацией. Таким образом, замечает У. Эко, мы должны задаться вопросом: быть может, перевод – это и есть интерпретация? (Эко 2006, с. 271).

Размышляя, У. Эко приходит к выводу о том, что ответ на этот риторический вопрос бесспорен. Р. Якобсон предлагал слово «перевод» в связи с тем, что писал свою работу, излагая свои мысли для сборника «On Translation», который переводится как «О Перевод», поэтому ему было немаловажно показать разницу между видами перевода, основываясь на безмолвном домысле о том, что три вида перевода и есть своего рода интерпретация. Далее, все подумали, что Р. Якобсон предлагает нам на рассмотрение:

1. Интралингвистический тип перевода (переформулировка);
2. Интерлингвистический тип перевода (перевод в собственном смысле слова);
3. Интерсемиотический тип перевода (трансмутация) (Эко 2006, с. 271).

Продолжая свои рассуждения по этому вопросу, Умберто Эко делает акцент на том, что Р. Якобсон не говорит, что переводить и интерпретировать это одно и то же. Р. Якобсон указывает на важность подхода к определению значения какого-либо слова или выражения в переводческих терминах. Высказываясь по данной теме У. Эко пишет: «Якобсон показывает, что интерпретировать некий семиотический элемент значит "переводить" его в некий другой элемент (который, впрочем, может быть дискурсом во всей его полноте) и что благодаря такому переводу элемент, подлежащий интерпретации, творчески обогащается» (Эко 2006,

с. 274). У. Эко ставит слово «переводить» в кавычки для того, чтобы пояснить, что разговор касается образного (переносного) выражения (Эко 2006, с. 274-275).

III. Два типа внутриязыкового перевода, выделенные исследователями-лингвистами: диахронный и синхронный

С. И. Сидоренко (2013), говоря о внутриязыковом переводе, выделяет его два типа: диахронный (интертемпоральный) и синхронный. В пределах синхронного внутриязыкового перевода предлагает два подтипа – это нормализующий и межвариантный перевод. Развивая эту мысль, С. И. Сидоренко повествует о том, что В. Виноградов применял термин «диахронный перевод» касательно перевода текстов минувших веков. Потребность диахронного перевода вызвана колоссальным временным и культурологическим промежутком между новым обществом и оригиналом того или иного текста. Сергей Сидоренко, цитируя Л. Нелюбина и В. Комиссарова говорит, что Л. Нелюбин пишет о диахроническом переводе как о переводе исторического материала на современный литературный язык, который был написан на языке прошлого века. В. Комиссаров же, излагая подобные мысли касательно внутриязыкового диахронного перевода, подчёркивает тот факт, что оригинал такого перевода обычно создан в прошлые века и на языке, который намного отличается от языка, используемого в наше время, так как язык оригинала является устаревшим языком (Сидоренко 2013, с. 197).

С. И. Сидоренко выделяет основную функцию диахронного перевода. Он говорит, что необходимо проследить за тем, чтобы не прерывались и были связаны культурные знания того или иного народа прошлого времени и современного общества. (2013, с. 197) С. И. Сидоренко замечает, что диахронный перевод базируется на систематичном морфологическом, орфографическом, лексическом и синтаксическом преобразовании текста оригинала (2013, с. 198). Необходимость внутриязыкового диахронного перевода, говорит С. И. Сидоренко, появляется не только в связи с тем, что читатель не может понять тексты, созданные много веков назад. Развивая эту мысль, он подчёркивает тот факт, что язык, которым написан «Беовульф» и «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера, нуждается во внутриязыковом переводе на современный английский язык, вне всякого сомнения. Другую картину мы видим, говорит он, в языке греческом. В

Греции в XIX в. начались прения в связи с тем, что необходимо и разумно Библию перевести на греческий современный язык с койне. Койне был общенародным языком, который появился в IV в. до нашей эры в Древней Греции. В свою очередь, греки хотели показать, что их язык исторически непрерывен, и этот факт, являясь основным элементом идентичности греков, в последующем повлиял на усиленную внутриязыковую работу греческих переводчиков. В итоге, с 1526 г., когда вышел в свет парафраз «Илиады», было переведено около 450 лирических творений греческих поэтов прошлых времён (Сидоренко 2013, с. 197-198).

Синхронный вид внутриязыкового перевода, как пишет С. И. Сидоренко (2013, с. 200), основывается на двух подтипах – это нормализующий и межвариантный перевод. Присутствие в каком-либо языке языковых вариантов, в конечном итоге, становится проблемным моментом в процессе общения носителей данных вариантов.

Межвариантный перевод – это такой перевод, замечает С. Сидоренко (2013, с. 200-201), который основан на народном (национальном) или региональном варианте какого – либо языка, с помощью средств разных уровней языка. Эти уровни могут быть фонетические, лексические, морфологические, синтаксические, применяемые в разных стилях языка, которые одинаковы для иного народного (национального) или регионального варианта данного языка. Межвариантный перевод особенно актуален для тех людей, у которых английский язык является родным, и которые используют разные варианты этого языка. Таким образом, объектом общественного обсуждения явился перевод с британского варианта на американский, из-за читательских бурных отзывов на выход в свет американских переводов «Гарри Поттера», в связи с тем, что в них подлинный текст стал объектом фрагментарной американизации.

Множество детской британской литературы в Соединённых Штатах Америки, говорит С. Сидоренко, переводчики американизировали. Следует отметить, что такой процесс действительно является межвариантным переводом, так как в связи с изменением определённых слов или словосочетаний в конце концов полноценно трансформируется текст, а целью является гарантировать точное понимание текста людьми иной культуры. Исследователь подчёркивает, что в межвариантном переводе может подвергаться замене и грамматика. Говоря о характеристике

межвариантного перевода, автор статьи повествует об общественно-культурной мотивированности, так как общественно-культурные несоответствия создают определённые помехи при коммуникации среди говорящих, которые используют разные языковые варианты (Сидоренко 2013, с. 201).

С. Сидоренко приводит примеры из американского перевода «Гарри Поттера», касающиеся лексических замен в связи с разным обозначением слов в американском и британском вариантах.

Такие слова, как *dustbin*, *motorbike*, *cooker*, *letter-box*, *multi-storey car park*, *changing room*, *wellington boots* функционируют преимущественно в британском варианте, поэтому могут быть непонятными для американской, особенно детской, аудитории. В американском тексте им соответствуют *trashcan*, *motorcycle*, *stove*, *mail slot*, *multilevel parking garage*, *locker room*, *rubber boots*.

Некоторые слова функционально ограничены определенным вариантом языка в одном из своих значений, например, брит. *toilet* – амер. *bathroom*, брит. *note* – амер. *bill*, брит. *trolley* – амер. *cart*, брит. *trainers* – амер. *sneakers*, брит. *wardrobe* – амер. *closet*, брит. *boot* – амер. *trunk*, брит. *torch* – амер. *flashlight*. Слово *juniper* в американском тексте заменено на *sweater*, поскольку для американцев это не джемпер, а сарафан; а брит. *tank top* заменено на *sweater vest*, чтобы читатель не спутал жилетку с майкой (Сидоренко 2013, с. 201-202).

При переводе, замечает С. Сидоренко, очень важно обращать внимание и на сленг, так как между сленгом британским и американским существуют определённые отличия. Вновь возвращаясь к произведению «Гарри Поттер», он пишет: «британские сленгизмы как *nutter* «псих, ненормальный», *rubbish* «плохой», *to sack* «увольнять», *to pop one's clogs* «дуба врезать, умереть» в американском издании «Гарри Поттера» были соответственно заменены на *maniac*, *bad*, *to fire*, *to kick the bucket*» (Сидоренко 2013, с. 202). Далее, автор статьи говорит о том, что не только лексические замены и грамматические изменения встречаются в межвариантном внутриязыковом переводе, показанном С. Сидоренко

(2013, с. 202) на примере американских переводов «Гарри Поттера», но и иногда пунктуация, и орфография тоже изменяется.

Нормализующий синхронный внутриязыковой перевод, замечает С. Сидоренко, это перевод жаргонов, диалектов и сленга методом их изменения в соответствии с правилами языка литературного. Он говорит, что объект такого перевода существует за пределами литературы и формальной речевой деятельности. Текст нормализующего синхронного внутриязыкового перевода существует в виде вербальной неформальной речи, поэтому письменно редко воссоздаётся. Особенностью такого перевода является его информативный характер. К нормализующему синхронному внутриязыковому переводу обращаются, чтобы понять другого в процессе общения и быть знакомым с определённой субстандартной речью или вследствие минимального словарного запаса воспринимающего адресованной ему информации (Сидоренко 2013, с. 202-203). С. Сидоренко даёт пример нормализующего синхронного перевода и пишет, что: «в известном научно-популярном сериале “The Story of English” (BBC, 1986) авторы прибегают к переводу речи носителя йоркширского диалекта с помощью субтитров. Цель данного видеофрагмента – проиллюстрировать различия между йоркширским диалектом и стандартным английским» (Сидоренко 2013, с. 203).

Е. М. Масленникова в своей работе «Внутриязыковой перевод как способ интерпретации вербальных знаков» разделяя мысли С. И. Сидоренко, говорит о том, что при внутриязыковом переводе в первую очередь становятся объектом внимания тексты прошлых времён. Эти тексты зарождались тогда, когда ещё были в процессе развития принципы и нормы СРЛЯ. Е. М. Масленникова (2015, с. 289) приводит в пример всеми известный шедевр литературы Древней Руси «Слово о полку Игореве», которое издали в 1800 году. В течение веков, это произведение не один раз переводилось в соответствии с нормами исторической эпохи того времени на РЛЯ. Переводчиками были такие известные люди, как: В. А. Жуковский, И. И. Козлов, К. Д. Бальмонт, А. Н. Майков, Н. А. Заболоцкий, И. А. Новиков, В. И. Стеллецкий, Г. П. Шторм, С. В. Шервинский, А. К. Югов, И. И. Шкляревский. Есть такие переводы «Слова», пишет Евгения Михайловна Масленникова, в которых можно наблюдать изменение некоторых стилистических средств выразительности, а также отметить новый подход к использованию языковых стилей и литературных норм. Автор статьи

замечает, что при работе над «Словом» у каждого переводчика был свой поэтический (созидательный) подход (2015, с. 289).

Е. М. Масленникова пишет о том, что на данный момент создаются специальные сайты, которые предназначены тому или иному тексту. Таким образом, на примере «Слова...», был создан электронный сайт «Параллельный корпус переводов “Слова о полку Игореве”». Автор статьи даёт ссылку на сайт: (<http://nevmenandr.net/slovo/>) и говорит о том, что сюда входит 94 перевода “Слова о полку Игореве”. Переводами «Слова...» занимались известные учёные, например Д. С. Лихачёв, Р. О. Якобсон и многие другие, а также писатели и поэты, например А. Н. Майков, Н. В. Гербель и т.д., и, конечно же, переводчики-профессионалы и переводчики-любители (Масленникова 2015, с. 290-291).

Е. М. Масленникова (2015, с. 291) уделяет внимание тому, что «Формы внутриязыкового перевода «Слова...» варьируются: от буквального перевода до поэтического перевода или прозаического перевода, от подписной формы перевода до анонимной.» Исследователь (2015, с. 291) приводит разные варианты перевода начальной строки «Слова...»:

*Не лъпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы
трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича?*
↔ Приятно нам, братцы, начать древним слогом
прискорбную повесть о походе Игоря, сына Святославова!
(1800) ↔ Не пристало ли нам, братья, начать на старинный
лад тяжкие рассказы про поход Игорев, Игоря Святославича?
(Перевод Р.О. Якобсона, 1948) ↔ Не пригоже ли нам было,
братия, начать старыми словесами трудных повестей о
полководстве Игореве, Игоря Святославича? (Перевод А.
Комлева, 1997)

Автор статьи (2015, с. 291) пишет, что перевод «Слова...», созданный Н. А. Заболоцким, стал наилучшим поэтическим совершенством, который высоко был оценён К. И. Чуковским в книге «Высокое искусство».

*Не пора ль нам, братия, начать
О походе Игоревом слово,
Чтоб старинной речью рассказать
Про деянья князя удалого?*

(Перевод Н.А. Заболоцкого)

Некоторые переводчики сознательно при внутриязыковом переводе прибегают к обновлению оригинала, изменяя тем самым смысловую структуру текста. Евгения Михайловна Масленникова (2015, с. 292) пишет в своей работе, что в переведённом А. Грызуновой в 2013 году романе Джейн Остин «Нортенгерское аббатство», приветствие героем своей матери (Ah, Mother! How do you do?) было переведено следующим образом: «Как делишки?»:

*“Ah, Mother! How do you do?” said he, giving her a hearty shake
of the handy. J. Austen. Northanger Abbey ↔ А, мамаша! Как
делишки? – молвил он, от всей души потрясая ей руку. Дж.
Остин. Нортэнегрское аббатство. (Перевод А. Грызуновой)*

Немаловажным моментом является и тот факт, замечает Е. М. Масленникова (2015, с. 293), что при внутриязыковом переводе необходимо уделить должное внимание первоисточнику, а точнее его выбору, в последующем, после чего начинается перевод. Нередко сделанные некогда или уже напечатанные переводы редакторы подвергают корректировке. Правописание давно созданных публикаций часто нормируется в согласии с правилами СРЯ. Например, «ъ», стоящий в конце слова, удаляется, а «ять» меняется на букву «е». Таким образом, соединяются черты перевода внутри языка с переводом межъязыковым. Е. М. Масленникова (2015, с. 293), аргументирует свои выводы примерами:

*Насльдьє праха – вотъ конецъ, достойный
Желаній жаркихъ! Умереть – уснуть!*
В. Шекспир. Гамлет
(Перевод М. Вронченко, 1828)

*Наследье праха – вот конец, достойный
Желаний жарких. Умереть – уснуть.*
В. Шекспир. Гамлет
(Перевод М. Вронченко)

Подводя итоги, Евгения Михайловна Масленникова (2015, с. 294) говорит о том, что внутриязыковой перевод предстаёт в двух видах: во-первых, перевод как нормирование слов в согласии с правилами СРЯ; во-вторых, «перевод как стилистическая модификация».

А что же понимается под “стилистической модификацией”. В книге «Методические материалы по гуманитарным дисциплинам» Е. А. Тиняковой даётся следующее определение термину “стилистическая модификация” – «замена в процессе перевода элементов высказывания, которые принадлежат к одному функциональному стилю, элементами другого стиля» (Тинякова 2015, с. 470). Это именно та замена, о которой говорила Е. М. Масленникова, когда упоминала о переводе приветствия главного героя матери в романе Джейн Остин «Нортенгерское аббатство»: «“Ah, Mother! How do you do?” – А, мамаша! Как делишки? (Перевод А. Грызуновой)» (Масленникова 2015, с. 292).

IV. Взгляд на внутриязыковой перевод с точки зрения У. Эко

Умберто Эко высказывает противоположную Р. Якобсону точку зрения касательно вопроса внутриязыкового перевода как интралингвистической интерпретации, или переформулировки, уделяя внимание примерам интерпретации в рамках того же языка, а именно:

- использование синонимов, нередко дающих при переводе неточное значение, например слово «отец» и «папа»;
- значение какого-либо слова, которое является слишком обобщённым, например слово «кошка» предстаёт как «млекопитающее из семейства кошачьих» или быть может, наоборот, очень неопределённым, например как в книге или в справочнике название главы или статьи «Кошка»;
- парафраза; и здесь, на наш взгляд, следует уточнять терминологию, которая остаётся без авторского комментария (Эко 2006, с. 287). Термин “парафраза” происходит от древнегреческого слова “παραφρασίς”, что означает - пересказ. Словарь лингвистических терминов Т. В. Жеребило даёт следующее значение этого слова: «1) Передача ч.-л. своими словами; близкий к тексту пересказ; 2) сокращённое изложение большого литературного произведения для детей или массовой публики» (Жеребило 2010, с. 255).

- схолия; Т. В. Егорова даёт следующее определение слова “схолия”: «(греч. scholia) – пояснение, примечание к тексту» (Егорова 2014, с. 641).
- пересказ; Л. Л. Нелюбин предлагает следующее значение слова “пересказ”: «изложение содержания чего-либо своими словами» (Нелюбин 2003, с. 32).
- популяризация; и тут же У. Эко (2006) делает пометку и говорит о том, что это есть один из приёмов изложить что-то трудное наиболее лёгким способом.
- пародия; автор пишет о том, что это понятие является неким видом интерпретации (Эко 2006, с. 287).

У. Эко (2006) даёт пояснения по данному вопросу. Он говорит о том, что в вышеуказанных примерах то обстоятельство, что та же самая сущность изображается с помощью различных случаев интерпретации, не является переводом, но всецело принимается не более и не менее чем из-за тяги к интерпретации для того, чтобы всякий раз познавать что-то более значимое, чем образованное путём интерпретации. Излагая свою точку зрения, У. Эко повествует о том, что переформулирование не является переводом. В доказательство тому предлагает на рассмотрение несколько примеров, меняя слова на эквивалентные определения, так как наиболее простым вариантом переформулирования считается определение. У. Эко (2006, с. 288) берёт на рассмотрение сцену убийства Гамлетом Полония в переводе А. Д. Радловой (1937) для того, чтобы освежить в памяти убийство крысы:

Queen Gertrude — What wilt thou do? thou wilt not murder me?
Help, help, ho!

Lord Polonius — [Behind] What, ho! help, help, help!

Hamlet — [Drawing] How now! a rat? Dead, for a ducat, dead!
Makes a pass through the arras.

Lord Polonius — [Behind] O, I'm slain!
Falls and dies.

[Королева
 Что хочешь сделать ты? Убить меня?
 На помощь!
 Полоний
 (за сценой)
 Эй, на помощь!
 Гамлет
 (вынимая шпагу)
 Кто там? Крыса?
 (Ударяет.)
 Мертва она, мертва, дукат поставлю!
 Полоний
 (падает и умирает)
 Убит я!]

Делая акцент на переформулировке внутриязыковой, тем самым упрощая материал, У. Эко (2006, с. 288-289) приводит пример перевода дословного:

Королева — Что ты хочешь сделать? Ты, наверное, хочешь меня убить? Помогите, помогите же, ох!

Полоний (сзади) — Эй, там! Помогите, помогите, помогите!

Гамлет (извлекая из ножен шпагу) — Как! Крыса? Мертва, за дукат, мертва!
Наносит удар шпагой сквозь гобелен.

Полоний (сзади) — Ох, меня убили!
Падает и умирает.

Третий вариант перевода представлен У. Эко (2006, с. 289) с изменением некоторых слов наиболее близкими по смыслу определениями, которые автор берёт из простого словаря, подтверждая факт того, что данный вариант не может быть достойным по праву называться переводом Уильяма Шекспира:

Королева — Что ты хочешь осуществить? Ты хочешь, вероятно, более или менее быстро довести меня до смерти? Крик о помощи, издаваемый лицом, находящимся в опасности; крик о помощи, издаваемый лицом, находящимся в опасности; ох!

Полоний (с той стороны некоего предмета) — Эй, там! Крик о помощи, издаваемый лицом, находящимся в опасности; крик о помощи, издаваемый лицом, находящимся в опасности; крик о помощи, издаваемый лицом, находящимся в опасности!

Гамлет (извлекая из влагалища для ножа, кинжала, сабли, шпаги и пр.) — Каким образом? Один из разнообразных видов млекопитающих грызунов из семейства мышиных, принадлежащих к роду *Rattus*, длиннохвостых, от 15 до 30 сантиметров длиной? Человек, животное, живой организм, в котором прекратились жизненные функции; за золотую или серебряную монету, вычеканенную под юрисдикцией дожа; человек, животное, живой организм, в котором прекратились жизненные функции!

Наносит удар или выпад холодным оружием, не примкнутым к древку, с лезвием, по большей части длинным, прямым и заостренным, с одним или двумя заточенными краями (или же без них), сквозь особую ткань, изготовленную ткачами вручную из шерстяных нитей, цветного шелка, иногда также золота и серебра, опутывающих основу и составляющих ее заполнение, образующее рисунок, предназначенный для украшения дворцов знати.

Полоний (с той стороны некоего предмета) — Ох, меня довели до смерти насильственными средствами!

Падает наземь из-за отсутствия равновесия или поддержки и прекращает жить.

Четвёртый вариант перевода даётся У. Эко (2006, с. 290) для того, чтобы показать аналогичный результат (совсем не похожий на адекватный перевод, а больше подобен пародии) при использовании и синонимии:

Королева — Что ты хочешь проделать? Уж не хочешь ли ты уничтожить меня? На подмогу, на подмогу, ох!

Полоний (в задней части шпагу) — Эй, там! На подмогу, на подмогу, на подмогу!

Гамлет (вытаскивая) — Каким образом? Мышь? Пронзен, за червонец, пронзен!

Рубит ятаганом сквозь занавеску.

Полоний (в задней части) — Ох, меня замочили!

Бухается лбом оземь и подышает.

У. Эко рассуждая, говорит о том, что и парафраза не есть перевод. Он (2006, с. 291) представляет свой вариант перевода при использовании парафразы:

Un lonfo, che non vatercava mai, ne gluiva, e barigattava assai di rado, soffiando un giorno il bego, si sdilenco archipattandosi gnagio. Dissero tutti che quel lonfo era frusco, ma il re rispose che era piuttosto lupignoso e sofolentava una malversa arrafferia. Ed ecco che il lonfo, vedendo il re che si cionfava, lo sbiduglio arripignandolo, e come quello tento di lugrare, lo botallo sino a quello fu tutto criventato.

[Один баёк, который никогда не полутяпил и не карнишил, а стрекулярил лишь в самых редких случаях, как-то раз, загляша воче гули-мули, слегка заструлил, архиваря натереть. Все говорили, что этот баёк смурлив, но король отвечал, что он скорее разбрехайлив и прокудителен злочухлой умелью. И вот баёк, видя, что король крянет, замурзил его и запхаял, а когда тот попытался взбагнуть, закошлил его до такой степени, что тот был совершенно забрелен.]

Делая выводы, У. Эко повествует о комичности и нелепости вышеприведённого текста, а также о невозможности прочтения какого-либо текста (или допустим, быть может, даже романа) написанного таким образом.

Когда речь идёт о парафразе, мы думаем, что речевое высказывание подтверждается определённым содержанием. Когда в итоге получается именно такое непонятное содержание, то становится странным и неясным, почему речевое высказывание оказалось собственно таковым (Эко 2006, с. 291-292).

Обобщая всё сказанное по данной теме, У. Эко повествует о невозможности и абсурдности вышеприведённые примеры отнести к

вполне адекватным переводам. Он лишь хочет представить на обозрение тот факт, что если думать о любой интерпретации как о переводе, при этом, не отпуская данную мысль ни на секунду, то необходимо будет действительно надрываться впустую. У. Эко говорит о том, что само слово “перевод” в данных случаях является просто напросто переносным значением, т. е. чем-то похожим, но совсем не тем (Эко 2006, с. 292).

V. Выводы

Таким образом, нам удалось рассмотреть разные подходы к проблеме внутриязыкового перевода с исследовательских позиций, на основе выделенного впервые Р. Якобсоном данного переводческого типа. Мы узнали, что вследствие изменившегося статуса перевода, внутриязыковой перевод приобретает своё полноценное существование, несмотря на периферийное положение, возникшее в связи с его значением и практической нераспространённостью.

Рассмотрев лингвистические позиции, касающиеся понятия интерпретации, мы пришли к заключению, что любой из выделенных Р. Якобсоном трёх видов перевода – это интерпретация. Из этого следует то, что интерпретировать можно через эквивалентность единиц двух кодовых сообщений.

Мы узнали о существовании противоположного взгляда, выдвинутого У. Эко. Одну из глав своей книги он посвящает интерпретации, озаглавливая её «Интерпретировать» – не значит «переводить». Исследователь, ставя в кавычки слово “переводить”, подчёркивает его образность. У. Эко, говоря об использовании во внутриязыковом переводе синонимии или парафразы, подтверждает на примерах разность суждений во взглядах с Р. Якобсоном, объясняя свою позицию тем, что переименование не может полноценно считаться переводом, так как в таких случаях перевод будет рассматриваться с позиций переносного значения.

Нам удалось рассмотреть особый подход исследователей к внутриязыковому переводу через выделение его двух типов: диахронного и синхронного, с подробным анализом примеров. Мы выяснили, что к диахронному переводу относятся переводы текстов прошлых веков. Синхронный же перевод, по мнению лингвистов, подразделяется на подтипы: межвариантный и нормализующий. К межвариантному относят

переводы, основанные на национальном или региональном варианте языка. Они осуществляются с помощью использования всевозможных фонетических, лексических, морфологических, синтаксических языковых уровней, которые являются одинаковыми для переводимого варианта языка. К нормализующему синхронному внутриязыковому переводу относят перевод диалектов, сленга, жаргонов путём преобразования в согласии с требованиями литературного языка.

ГЛАВА III - МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕВОД

I. Анализ различных точек зрения учёных на межъязыковой перевод

В классификации трёх видов перевода, предложенной Романом Якобсоном, вторым типом обозначен межъязыковой перевод (интерлингвистический). Итак, по Р. Якобсону: «Межъязыковой перевод, или собственно перевод, - интерпретация вербальных знаков посредством какого-либо другого языка» (Якобсон 1985, с. 362). Если мы говорим о межъязыковом переводе, то нужно уделить внимание тому, что такой перевод предполагает своего рода перекодирование какого-либо текста или определённого слова с одного языка на другой. На наш взгляд, обязательным условием при использовании такого вида перевода, является особый творческо-креативный подход со стороны переводчика как перевыразителя-интерпретатора.

Ольга Анатольевна Тимакина (2007) в разработанном курсе лекций по дисциплине «Теория перевода» повествует о том, что при переводе текст-оригинал не меняется, но на его основе переводчиками рождается иной текст на другом языке, который и является собственно переводом. Иными словами, здесь мы говорим о связи, которая происходит среди двух единиц языка или речи. Необходимо заметить то, что одна из единиц исходная, а другая – созданная на её основе: «Имея исходный **текст а** на языке **А**, переводчик, применяя к нему определенные операции (переводческие трансформации), создает **текст б** на языке **Б**, который находится в определенных закономерных отношениях с **текстом а**» (Тимакина 2007, с. 17).

О. А. Тимакина (2007, с. 18) даёт нам на рассмотрение схему, в которой показана взаимосвязь **текста а** на языке **А** и **текста б** на языке **Б**:

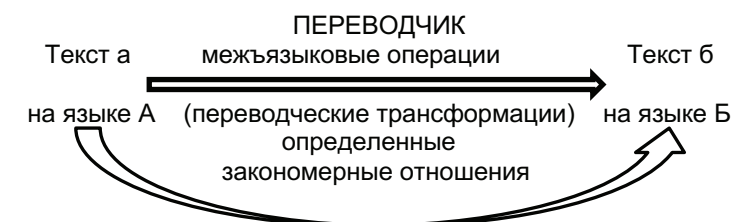

Схема 1: Взаимосвязь **текста а** на языке **А** и **текста б** на языке **Б**

На схеме наглядно показан процесс межъязыковых операций через определённые закономерные отношения, что и составляет в результате переводческий процесс. Подводя итог, О. А. Тимакина говорит, что перевод можно отнести к определённому виду межъязыковой трансформации (Тимакина 2007, с. 18).

Говоря о переводческом процессе как о феномене многоаспектном, М. Ю. Илюшкина (2015) в учебном пособии «Теория перевода: основные понятия и проблемы» замечает, что такой процесс основан на формировании языковых соответствий между языком, с которого перевод осуществляется и языком, на который совершается перевод. Развивая эту мысль, она говорит, что в данном случае в первую очередь соизмеряются (сравниваются) не только языки, но и культуры (Илюшкина 2015, с. 8).

М. Ю. Илюшкина (2015) приводит несколько примеров и повествует о том, что переводя официальное письмо с английского на русский, английское *Dear Sir* переводится как *Дорогой сэр*. Конечно, многие подтвердят тот факт, что такая фраза несвойственна русскому официально-деловому стилю, но она допустима в связи с уважительным отношением русскими к иностранным словам. Наиболее подходящим переводом для официального обращения стало бы, к примеру, *Уважаемый господин директор*. Следовательно, появляется право на выбор наиболее подходящего варианта в той или иной ситуации. Стоит заметить, говорит М. Ю. Илюшкина, что аналогичная трудность выражается другим образом, переводя официальное обращение с русского языка на английский язык. Например, такое обращение как *Глубокоуважаемый господин Шредер!* в дословном переводе звучит как *Deeply respected Mr. Schröder!* недопустимо с точки зрения англосаксонской традиции, и призывает к употреблению только *Dear Sir*. Отклонение же от такой формы становится выходом за пределы делового этикета. По-разному рассматриваются в языках одинаковые предметы, которые изображаются при переводе. М. Ю. Илюшкина приводит пример, говоря о том, что «в русском языке положение сидящего человека описывается как “сидеть, положив ногу на ногу”, в английском языке оно воспринимается иначе, как положение «with one's knees crossed», а выражению «пенка на молоке» в английском языке соответствует фраза “milk with skin on it”» (Илюшкина 2015, с. 9).

Необходимо обратиться к понятию “межъязыковой перевод” через призму российских исследователей и посмотреть, какое значение они предлагают для рассмотрения этого определения. Лев Львович Нелюбин – доктор филологических наук, профессор, в толковом переводоведческом словаре предлагает пять вариантов истолкования данного понятия:

1. Перевод с одного языка на другой, перевод в двуязычной ситуации, перевод в условиях межъязыковой коммуникации.
2. Межъязыковой перевод может быть определен как замена элементов одного языка элементами другого.
3. Собственно перевод — интерпретация вербальных знаков посредством какого-либо иного языка.
4. Преобразование сообщения, выраженного средствами какой-либо знаковой системы в сообщение, выраженное другой знаковой системой.
5. Собственно перевод или истолкование словесных знаков одного языка посредством словесных знаков другого языка (Нелюбин 2003, с. 108).

Ольга Сергеевна Ахманова – профессор филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова говоря о значении понятия интерлингвистического перевода, поясняет, что перевод интерлингвистический - это перевод с одного языка на другой язык, т. е., другими словами, такой перевод, является переводом в буквальном смысле (Ахманова 1969, с. 317).

II. Вопросы эквивалентности в межъязыковом переводе

Говоря о межъязыковом переводе, Р. Якобсон (1985) поясняет, что, воспроизводя такой перевод, переводчику трудно добиться полной эквивалентности среди кодовых единиц, подчёркивая тот факт, что полученный впоследствии материал, в котором применяются эти единицы, является вполне полноценным материалом интерпретаций иностранных фраз и сообщений, заложенных в том или ином тексте. Развивая свою мысль, Р. Якобсон (1985, с. 362-363) повествует о том, что, например, слово “cheese” не совсем будет правильным переводить на русский язык как “сыр”, так как его вариантом может быть, к примеру, “cottage cheese”,

которое переводится как “творог”. Приводя пример, Р. Якобсон объясняет, что: «По-русски можно сказать: “Принеси сыру и творогу” - Bring cheese and [sic!] cottage cheese. На литературном русском языке продукт, сделанный из спрессованного, свернувшегося молока называется “сыром” только тогда, когда для его производства используется особый фермент» (Якобсон 1985, с. 363).

По этому вопросу, Е. П. Карзенкова (2015) в статье «Взаимодействие близкородственных языков в ситуации обучения» говорит, что данный Р. Якобсоном пример со словом “сыр” становится наглядным при переводе с языков близкородственных. Для многих, может быть станет неясным тот факт, что, казалось бы, если языки родственные, то должны они быть эквивалентны в двух родственно-языковых кодах, но этот аргумент становится неверным. Так, с украинского языка на русский: «словом *сир* (<сыр>) украинцы обозначают и *сыр* (‘«твёрдый» – кусковой – молочный продукт, приготовленный с использованием сычужной закваски и требующий созревания’), и *творог* (‘«мягкий» – рассыпчатый – молочный продукт, приготовленный с помощью простого нагревания кислого молока’» (Карзенкова 2015, с. 326).

Е. П. Карзенкова замечает, что украинскую фразу “*пирог з сиром*” можно перевести на русский язык не с помощью одного, а нескольких вариантов: «‘пирог с сыром’, ‘пирог с творогом’, ‘вареники с творогом’, ‘вареники с сыром’» (Карзенкова 2015, с. 326). Если, безусловно, не обращать внимание на то, говорит Е. П. Карзенкова, что украинцы не кладут в вареники сыр. Разнообразие переводческих вариантов возникает в связи с тем, что и само слово “пирог” вносит определённую неразбериху при переводе как с русского на украинский, так и в самом украинском языке. Это происходит потому, что в украинском диалектическом разнообразии данное слово определяется или как “пирог”, или как “вареники” (Карзенкова 2015, с. 326).

Конечно, при межъязыковом переводе, возникают не только сложности в лексике. В первую очередь это объясняется тем, что, как говорит сам Р. О. Якобсон: «... чаще всего при переводе с одного языка на другой происходит не подстановка одних кодовых единиц вместо других, а замена одного целого сообщения другим. Такой перевод представляет собой косвенную речь» (Якобсон 1985, с. 363). Заметим, что при межъязыковом

переводческом процессе текст-оригинал осмысливается переводчиком и перекодируется на переводимый язык. Подводя итог, Р. Якобсон (1985, с. 363) уточняет: «... в переводе участвуют два эквивалентных сообщения, в двух различных кодах».

Н. С. Автономова – советский и российский философ, доктор философских наук в своей работе «Проблема перевода в свете идеи продуктивной непереводаемости» замечает, что, когда мы говорим о переводе с одного языка на другой, необходимо помнить о том, что важной его особенностью является процесс перекодирования определённых слов или, быть может, целого текста. Что же касается проблемы, каким образом можно добиться эквивалентности при наличии существенных различий, то она постепенно лишь осложняется (Автономова 2011, с. 27). Необходимо процитировать Р. Якобсона (1985, с. 363), чтобы понять, о чём идёт речь:

Эквивалентность при существовании различия - это кардинальная проблема языка и центральная проблема лингвистики. Как и любой получатель вербального сообщения, лингвист является его интерпретатором. Наука о языке не может интерпретировать ни одного лингвистического явления без перевода его знаков в другие знаки той же системы или в знаки другой системы. Любое сравнение двух языков предполагает рассмотрение их взаимной переводимости.

К проблеме эквивалентности в переводе обращается М. В. Межова (2012). Говоря об эквивалентности, она заостряет внимание на том, что понятие это достаточно непростое и объединяется оно с переводом, воссоздающим содержание оригинала. В связи с тем, что немаловажным условием при переводе является наиболее близкая точность совпадения текста оригинала с текстом перевода, эквивалентность становится главной составляющей при переводе. М. Межова повествует о существовании трёх аспектов эквивалентности перевода, а именно: во-первых, неизменность содержания. Оригинал не должен быть искажён при переводе; во-вторых, инвариантность. Здесь стоит заметить, что при переводе инвариантом полагают считать смысл переводимого текста; в-третьих, эмпиричность, т.е. экспериментальность (Межова 2012, с. 78).

По данному вопросу высказывается Н. В. Мельник (2011) в своей научной статье «Гносеологический потенциал вторичного текста (на материале

переводов)». Она пишет, что «под эквивалентностью понимается общность содержания, эквивалентные конструкции имеют идентичную глубинную структуру, даже если различаются на уровне поверхностных структур» (Мельник 2011, с. 167). Н. В. Мельник поясняет, что при переводческой межъязыковой эквивалентности, возникают вопросы, которые нас заставляют задуматься. Во-первых, эквивалентность, в некотором роде, есть аргумент (обоснование), благодаря которому возникает перевод. Во-вторых, эквивалентность вступает в свои права с помощью перевода. Тогда, необходимо заметить следующее, если переводческую эквивалентность воспринимать как предпосылку сопоставления, то сам перевод необходимо воспринимать как сопоставительный контекст (Мельник 2011, с. 167).

Значение понятия “эквивалентность перевода” дано в статье Е. О. Опариной и происходит оно, как пишет автор, от латинского слова “aequus”, что значит “равный, равноценный” и слова “valentis”, которое обозначает “имеющий силу”, “основательный”. Эквивалентность перевода – это «общность содержания (смысловая близость), равноценность текстов оригинала и перевода» (Опарина 2010, с. 220). Е. О. Опарина замечает, что понятие это непростое, так как рассматривает условия неотличимости бесспорно отличимого. Конечно, это касается в первую очередь текстов, созданных на разных иностранных языках, которые отличаются внутренней структурой и смыслом, и отображают разные культурные традиции того или иного народа. Таким образом, многие учёные говорят о том, что «абсолютная эквивалентность (тождественность) исходного и переводного текстов невозможна вследствие семантических, структурных и прагматических различий между ИТ и ПТ, и признают относительность реально достижимой эквивалентности перевода» (Опарина 2010, с. 221).

III. Вопросы непереводимости в межъязыковом переводе

Р. Якобсон, говоря о непереводимости, очень точно замечает следующее: «И в практике, и в теории перевода предостаточно запутанных проблем, и время от времени делаются попытки разорвать Гордиев узел, провозглашая догму непереводимости» (Якобсон 1985, с. 363).

Непереводимость текста-оригинала, как тема, всегда была актуальна и интересовала многих исследователей. В своей научной работе «Сущность,

причины и виды непереводимости» Д. М. Бузаджи, А. В. Ковальчук (2016, с. 59) обращаются к этому вопросу и повествуют о том, что ещё в 18-19 вв. В. Гумбольдт первым изложил свои мысли об имеющей первостепенное значение при переводе проблеме непереводимости. По какой причине переводчику, работая долго и старательно, всё же не удаётся, в конце концов, справиться с переводом, В. Гумбольдт объяснял таким образом: «каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг» (Звегинцев 1964, с. 99). В дальнейшем, гумбольдтианские мысли укоренились и повлияли на работы многих учёных, твёрдо уверенных в теории непереводимости.

В России самым знаменитым сторонником непереводимости был А. Потебня (1976, с. 263-264), который излагал следующие мысли по данной теме:

Если слово одного языка не покрывает слова другого, то тем менее могут покрывать друг друга комбинации слов, картины, чувства, возбуждаемые речью; соль их исчезает при переводе; остроты непереводимы. Даже мысль, оторванная от связи с словесным выражением, не покрывает мысли подлинника. И это понятно. Допустим на время возможность того, что переводимая мысль стоит перед нами, уже лишенная своей первоначальной словесной оболочки, но еще не одетая в новую. Очевидно, в таком состоянии эта мысль как отвлечение от мысли подлинника не может быть равна этой последней.

Д. М. Бузаджи и А. В. Ковальчук пишут о том, что в настоящее время учёные говорят о непереводимости «как отдельных слов и грамматических категорий, так и устойчивых сочетаний, текстов и языков в целом. Как правило, сходятся на том, что если непереводимость и может фиксироваться на уровне отдельных и относительно маленьких единиц, то на уровне текстов, а тем более языков эта проблема снимается» (Бузаджи, Ковальчук 2016, с. 61).

Излагая свои мысли по данной теме, Д. М. Бузаджи и А. В. Ковальчук (2016) объясняют, что непереводимость не нужно путать с непереуведённостью. Иначе говоря, не следует рассматривать в качестве непереводимого то, что возможно перевести. Д. М. Бузаджи и А. В. Ковальчук считают, что о

непереводимости необходимо говорить, когда речь идёт о целом тексте. Они заостряют внимание на том, что взятые любые два слова из разных языков, причём это могут быть и термины – не предстают однозначными и полными взаимозаменяемыми эквивалентами. Здесь необходимо подчеркнуть мысли Д. М. Бузаджи и А. В. Ковальчука (2016, с. 62), которые утверждают тот факт, что:

... если бы перевод проходил в области языка, а не речи, непереводимость была бы всеобщей и непреодолимой. Однако переводятся не языковые явления, а речевые произведения, в которых переводчик имеет дело не с абстрактными парадигмами значений, а с контекстно обусловленными смыслами. Таким образом, рассуждения о переводимости и непереводимости, на наш взгляд, оправданны только в применении к целым текстам.

Н. С. Автономова (2014) в статье «Лотман и Якобсон: романизм, сциентизм и этнос науки» высказывая свои мысли по данной теме поясняет, что, безусловно, сам переводческий процесс сложен, поэтому всё чаще в последнее время говорят о непереводимости. Р. Якобсон, поясняет Н. С. Автономова, обозначил это явление – «догмой непереводимости». Важным моментом при рассмотрении этого вопроса является то, что Р. Якобсон на протяжении всей статьи оспаривает эту «догму», аргументами из межъязыковой переводческой практики. И здесь возможно применение при переводе близких к контексту слов, заимствований или описательных оборотов (Автономова 2014, с. 16). Необходимо заметить тот факт, о котором упоминает в своей работе Н. С. Автономова, и о котором пишет Р. Якобсон (1985, с. 364): «Отсутствие в языке перевода какого-либо грамматического явления отнюдь не означает невозможности точной передачи всей понятийной информации, содержащейся в оригинале». Ссылаясь на Р. Якобсона, Н. С. Автономова (2014, с. 16) поясняет, что отсутствующее грамматическое явление в переводе, не даёт повода для того, чтобы говорить, что текст непереводим, так как любую информацию, которую содержит какой-либо грамматический приём можно изложить другими средствами.

IV. Вопросы металингвистики и метаязыка в концепции Р. Якобсона

Следует сказать о том, что каждый народ имеет своё понятие о том или ином слове. И иногда переводчики бывают вынуждены прибегнуть к использованию при переводе объяснения значения слова, т. е. переводят с помощью объяснения, чтобы добиться максимально близкого понятийного эффекта. В подтверждение вышесказанного, приведём примеры Р. Якобсона (1985, с. 364), который пишет, что на языке чукчей, слово «винт» представляется как «вращающийся гвоздь», «сталь» – «твёрдое железо», «жесть» – «тонкое железо», «мел» – «пишущее мыло», «часы» – «стучащее сердце». Являющееся парадоксальным такое слово как «electrical horse-street car», перевели на русский язык как электрическая конка (первое название трамвая), «flying steamship» – перевели как летающий пароход, «a jena paragot» – это чукотское название самолёта. Данные слова обозначают, как поясняет Р. Якобсон: «электрический аналог конки, летающий аналог парохода и не мешают коммуникации, точно так же, как не возникает никаких препятствий и неудобств при восприятии двойного оксюморона - cold beef-and-pork hot dog – «бутерброд с холодной сосиской» (букв.: «холодная горячая собака из говядины со свининой»)» (Якобсон 1985, с. 364). Поясним, что слово аналог означает что-то, являющееся подобным (соответствующим) чему-то. Подводя итоги, Н. С. Автономова (2014, с. 16) очень точно подчёркивает, что: «В любом случае для Якобсона практика перевода (или иначе - «перекодирующая интерпретация») есть то, что позволяет нам найти выход из ситуаций, поначалу воспринимаемых как примеры языковой несоизмеримости».

«Способность говорить на каком-то языке подразумевает способность говорить об этом языке. Такая «металингвистическая» процедура позволяет пересматривать и заново описывать используемую языком лексику», поясняет Р. Якобсон (1985, с. 363). Эрих Прунч (2015) – австрийский лингвист, переводовед, профессор, славист по образованию, соглашаясь с высказыванием Р. Якобсона, пишет о том, что люди могут, если можно так выразиться, «выходить» из языкового пространства но, не переставая думать и говорить о языке. Эрих Прунч (2015, с. 35) поясняет, что: «Язык, на котором говорят о языке, называется метаязыком»:

Если человек в состоянии совершать метаязыковые операции, говорить на языке о языке и при этом осмысливать процесс, он также может проводить ревизию собственной знаковой

системы. И когда у языкового сообщества возникает необходимость назвать какую-либо вещь с помощью соответствующего языкового знака, для этого создаются определенные языковые средства. По мнению Р. Якобсона, предпосылкой служит то, что человек может понять соответствующее содержание когнитивно, т.е. с помощью своих умственных способностей (Прунч 2015, с. 35-36).

Необходимо подробно рассмотреть, что конкретно понимают под термином “метаязык”. Л. Л. Нелюбин (2003, с. 109) даёт несколько значений слова “метаязык”:

1. Язык «второго порядка», т.е. такой язык, на котором говорят о языке же (языке объекте). 2. Язык, объектом, которого является содержание и выражение другого языка. 3. Язык, заменяющий естественный национальный язык. Чаще всего это специальный язык, принятый в какой-либо узкой отрасли науки или техники. К метаязыкам относят и язык лингвистов с их «узусом, модальностью, нелабиализованным звуком» и др.

Говоря о метаязыке, Р. Якобсон (1985, с. 363-364) повествует и об объектном языке, которые находятся во взаимосвязи и взаимодополнительности друг с другом:

Взаимодополнительность этих уровней - языка-объекта и метаязыка - впервые отметил Нильс Бор: все хорошо описанные экспериментальные факты выражаются посредством обычного языка, “в котором практическое употребление каждого слова находится в комплементарном отношении к попыткам дать ему точную дефиницию”. Весь познавательный опыт и его классификацию можно выразить на любом существующем языке.

Эрих Прунч, размышляя над данным высказыванием Якобсона, излагает свою точку зрения. Он поясняет, что важное значение имеет факт не всегда полного совпадения при переводе замены знаков. Это относится, в частности, к интерлингвистическому переводу при использовании грамматических категорий и лексических соответствий. Существование особых, разнообразных языковых аспектов всегда следует учитывать при работе с переводом (Прунч 2015, с. 36).

V. Анализ различных точек зрения учёных на категорию числа, вида и рода в межъязыковом переводе

Р. Якобсон (1985, с. 364) утверждает, что когда не существует той или иной грамматической категории в языке, на который переводим, то в таком случае необходимо передать её лексическим методом. В подтверждение сказанному, он приводит примеры, наглядно показывающие, как передать с языка на язык несуществующую категорию в переводимом языке, а также что необходимо предпринять, когда нет грамматической категории в языке оригинала:

Форма двойственного числа, как, например, старорусское “брата” переводится с помощью числительного: two brothers ‘два брата’. ... Когда мы переводим английское предложение she has brothers на язык, в котором различаются формы двойственного и множественного числа, мы вынуждены либо самостоятельно делать выбор между двумя утверждениями: “у нее два брата” и “у нее больше двух братьев”, либо предоставить решение слушателю и сказать: “у нее или два брата, или больше”. Точно так же, переводя на английский с языка, в котором отсутствует грамматическая категория числа, необходимо выбрать один из двух возможных вариантов: brother ‘брат’ или brothers ‘братья’ – или поставить получателя этого сообщения в ситуацию выбора: She has either one or more than one brother ‘У нее есть или один брат, или больше чем один’ (Якобсон 1985, с. 365).

Эрих Прунч, говорит о том, что категория числа, является одним из наглядных примеров грамматической категории, и неоспоримо нуждается в детальном анализе в тексте, при переводе с языка на язык. Заостряя внимание на категории числа, Э. Прунч повествует о словенском языке, в котором имеется двойственное число, при наличии единственного числа и множественного, поэтому, например, переводя с немецкого языка на словенский, необходимо следить за случаями, при которых в исходном тексте множественное число передаёт двойственность (Прунч 2015, с. 41).

Следующим примером грамматической категории, требующей при межъязыковом переводе поиска добавочных сведений, является категория вида и категория рода. Эрих Прунч (2015, с. 38-39) замечает, что есть языки, в которых отсутствует категория рода (венгерский язык), слабо

выражается грамматическая категория рода в английском языке и ярко выражен грамматический род в славянских языках. Что же касается немецкого, итальянского и французского языков, то они находятся в нейтральном положении.

Р. Якобсон (1985, с. 365), приводя в пример фразу "I hired a worker", говорит о том, что при переводе на русский язык этой фразы, мы должны учесть следующий факт, а именно: какого рода *worker*, а также присутствует ли наличие процесса действия или уже можно говорить о его результате. Это необходимо для того, чтобы принять решение, существительное мужского рода или женского (работника/работницу) использовать при переводе, а также совершенный вид глагола или несовершенный (нанял/нанимал) нужно выбрать для точного соответствия оригиналу. Р. Якобсон (1985, с. 365), развивая свои мысли, утверждает, что когда мы произносим эту фразу англичанину, интересуясь полом работника, данный вопрос ему кажется странным и совсем нескромным, но мы должны учесть, что в русской версии фразы необходимо важен ответ на данный вопрос. В противоположность этому, повествует Р. Якобсон (1985, с. 365), мы должны знать, что иногда, при переводе становится неважным то или иное предпочтение русских форм грамматики, так как, в конце концов, перевод на русский язык данной фразы не предоставляет точного ответа, работник нанят или не нанят на работу (перфектное и простое время), к тому же, данный работник - человек определённый или нет (определённый/неопределённый). Ввиду наличия разной информации, присутствующей в русской и английской грамматике, имеются две непохожие друг на друга ситуации с вероятностью выбора, и, следовательно, переводя одну и ту же фразу, мы можем не добиться точного и полного результата, что в конечном итоге приведёт к абсолютной деформации содержания оригинала. Р. Якобсон замечает и тот факт, что при наличии в переводе полного объёма сообщения, потеря информации значительно уменьшается.

Сергей Владимирович Тюленев (2004) в учебном пособии по теории перевода говорит, что перевод порой передаёт больше информации, чем заложено в оригинале или иногда, выражая определённую мысль, нарушает языковые нормы. И каким же точным является высказывание Р. Якобсона, говорит С. В. Тюленев о том, что отличие языков состоит в том, что эти языки вынуждены выразить, а не в том, что эти языки могут

выразить (Тюленев 2004, с. 195). С. В. Тюленев аргументируя сказанное, поясняет тот факт, что если мы с английского языка на русский хотим перевести имена прилагательные или же имена существительные, то в таком случае необходимо будет расширить излагаемое информационное поле, так как в русском языке присутствующие грамматические категории могут отсутствовать в английском языке, например, такие как падеж и род. Если же мы хотим перевести с русского языка на английский язык глаголы, то видовые характеристики будут невольно утрачены. Различны будут категория лица в будущем времени и настоящем времени и рода в прошедшем времени (Тюленев 2004, с. 195-196).

С. В. Тюленев анализируя отрывок из рассказа Э. Хемингуэя «Какими вы не будете» (*A Way You'll Never Be*) и перевод И. Кашкина замечает, что в русском переводе не сразу, а лишь из второго предложения можно понять, что атака, описываемая в предложенном отрывке, упоминалась перед тем, как Николас Адаме очутился на лугу. Оригинал же даёт нам понять это сразу в связи с использованием глагольных форм *Past Perfect* (Тюленев (2004, с. 196-197)). Данный пример является наглядным подтверждением того, что иногда при переводе в оригинале утрачиваются некоторые грамматические свойства:

The attack had gone across the field, been held up by machine-gun fire from the sunken road and from the group of farm-houses, encountered no resistance in the town, and reached the bank of the river. Coming along the road on a bicycle, getting off to push the machine when the surface of the road became too broken, Nicholas Adams saw what had happened by the position of the dead.

Атака разворачивалась по лугу, была приостановлена пулеметным огнем с дорожной выемки и с прилегающих строений, не встретила отпора в городе и закончилась на берегу реки. Проезжая по дороге на велосипеде и временами соскакивая, когда полотно было слишком изрыто, Николас Адаме понял, что происходило здесь, по тому, как лежали трупы (Тюленев 2004, с. 196).

Говоря о родовой грамматической категории в переводе, С. В. Тюленев (2004, с. 197) приводит в пример четвёртый сонет У. Шекспира и поясняет, что в оригинале мы не можем точно понять, кто адресат – мужчина или

женщина, но в переводе, который сделал на русский язык С. Маршак, им выступает мужчина:

Unthrifty loveliness why dost thou spend,
Upon thy self thy beauty's legacy? < ... >
Then beauteous niggard why dost thou abuse.
The bounteous largeness given thee to give? <...>

Растратчик милый, расточаешь ты
Свое наследство в буйстве сумасбродном.< ... >
Прелестный скряга, ты присвоить рад
То, что дано тебе для передачи.< ... >

Делая вывод, С. В. Тюленев (2004, с. 197) говорит, что разбирая и анализируя вышеуказанные переводы, невзирая на некоторые потери, можно считать полноценным материалом соответствующим оригиналу.

Р. Якобсон (1985, с. 366), повествуя о грамматической категории рода, замечает, что эта категория имеет большое значение в мифологии. В таком языке как русский, особенностью женского рода является его отображение через грамматический женский род, а особенностью мужского рода – отображение через грамматический мужской род. Переводя с одного языка на другой изобразительно-выразительные средства языка, например олицетворение или метафору, мы должны чётко следить за родовой принадлежностью. Р. Якобсон (1985, с. 366) говорит о том, что на основе проведённого опыта в Московском психологическом институте в 1915 году было доказано, что русские, отвечая на вопросы, касающиеся персонификации дней недели, описывали первый день недели – понедельник, второй день недели – вторник и четвёртый день недели – четверг лицами мужского пола, однако среда, пятница и суббота представлялись как лица женского пола. Носители языка совсем не задумывались над тем, что такой выбор они делали в связи с тем, что слова понедельник, вторник и четверг принадлежат к мужскому роду, а слова среда, пятница и суббота к женскому роду. Р. Якобсон (1985, с. 366), развивая данную мысль, отмечает, что у отдельных славянских народов слово “пятница” – мужского рода, у иных же – женского рода. Этот феномен отображается в фольклоре того или иного народа, а именно во всевозможных народных обрядах, которые связаны с пятницей. Р. Якобсон (1985, с. 366) замечает, что знакомая всем русская примета об упавшем

ноже, предсказывающая приход мужчины или вилке, предвещающая появление женщины, становится ярким примером того, что слово “нож” в русском языке мужского рода, а слово “вилка” – женского рода.

Микаэль Устинофф, развивая данную мысль, замечает, что в своей работе Р. Якобсон, давая пример, касающийся изображения греха в женском образе немецкими художниками, в виду того, что слово грех в немецком языке наделено женской родовой категорией, и пример, в котором русский ребёнок, читающий сказку в немецком переводе, но не понимающий, почему смерть являющаяся женщиной, вдруг становится стариком, хочет подчеркнуть принцип непереводаемости (Устинофф 2011, с. 37-38).

Говоря о трудностях при переводе, с точки зрения передачи категории рода с языка на язык, необходимо упомянуть и о примере Р. Якобсона с заглавием книги стихов Б. Пастернака, которое звучит так: “Моя сестра жизнь”. Это заглавие абсолютно понятно русским. Все хорошо знают, что слово “жизнь” в русском языке относится к женскому роду. Чешский поэт Йозеф Хор, переводя стихи Б. Пастернака, был в полном смятении оттого, что в его родном чешском языке слово “жизнь” мужского рода (Якобсон 1985, с. 366-367).

Микаэль Устинофф (2011) рассуждая по данному вопросу, говорит, что фильм «Седьмая печать», режиссёром которого является Ингмар Бергман, предстаёт ярким примером, в котором показано родовое несоответствие образа смерти. В этом фильме средневековый рыцарь играет в шахматы со смертью, возникающей в образе мужчины. Аналогичная ситуация с заменой рода возникает в сказке «Смерть в кумовьях», написанной братьями Гримм. М. Устинофф (2011, с. 38) замечает, что на английский язык название этой сказки перевели дословно – «Кум-Смерть» («Godfather Death»), при всём том, что произошла родовая потеря существительных. В фильме «Знакомьтесь, Джо Блэк» 1998 года, говорит М. Устинофф (2011, с. 38), образ смерти исполняет юноша, которого играет Бред Питт. Таких ситуаций, касающихся непереводаемости, повествует М. Устинофф, существует целое множество.

Необходимо заметить, что упоминая в своей работе о переводе Библии, Р. Якобсон (1985) повествует о переводческих трудностях, возникших в связи с тем, что не легко было передать символику, опирающуюся на

отображение грамматической категории рода: « ... греческий не всегда можно передать при переводе на другой язык идентичными средствами, и на разные языки он передается по-разному ... греческие существительные мужского рода, такие как *potamos* (река) и *aster* (звезда) в каком-нибудь другом языке могут иметь женский род, например, “река”, “звезда” - в славянском» (Якобсон 1985, с. 367).

VI. Проблема межъязыкового перевода поэзии

Труднее и запутаннее дело обстоит с поэзией. Р. Якобсон (1985, с. 367) говорит о том, что «любые элементы вербального кода» при переводе поэзии, будь то фонемы, корни или аффиксы сравниваются или противопоставляются, т.е. располагаются по степени подобия или противоположности. Он (1985, с. 367) поясняет: «В поэтическом искусстве царит каламбур или, выражаясь более научным языком и, возможно, более точным, паронимазия, и независимо от того, беспредельна эта власть или ограничена, поэзия по определению является непереводимой. Возможна только творческая транспозиция ...».

Существование двух разных текстов, двух кодов, двух сообщений, пишет Е. П. Карзенкова (2015), оказывается само собой разумеющимся при переводе художественного текста, а тем более поэзии. Она (2015, с. 327) говорит о том, что: «Именно перевод «поэтических реалий» накладывает на переводчика дополнительные обязанности «поэтической компетенции», а именно: умение не просто логически мыслить, не только образно – метафорически – воспринимать действительность и текст-оригинал, но и соблюдать особые – поэтические – «формальности». Е. П. Карзенкова уделяет внимание тому, что при переводе поэзии у переводчика должны присутствовать определённые навыки в искусстве рифмования, а также переводчик обязан обладать особым поэтическим восприятием авторских идей и стихотворной ритмической картины (Карзенкова 2015, с. 327).

Ян Пробштейн, на наш взгляд, делает важное замечание, касающееся поэзии, говоря о том, что поэзия – это не что иное, как полёт сквозь образ мысли поэта. Образ, говорит он, что-то намного большее, чем какой-либо литературный троп (Пробштейн 2014).

Е. П. Карзенкова (2015) подчёркивает, что при переводе поэзии, с одной стороны - воображение, с другой стороны - реальность, показанная в

оригинале и реальность, ассоциированная в переводческом тексте, становятся взаимосвязанными. Великий учёный А. Эйнштейн полагал, замечает Е. П. Карзенкова, что именно человеческая фантазия становится значительнее, чем знание, так как думал, что знания являются вполне ограниченным материалом в сравнении с воображением (Карзенкова 2015, с. 328).

Л. М. Алексеева и Н. В. Шутёмова (2011) в статье «Существует ли поэтический перевод?», говорят о том, что в переводе поэтическом, необходимо не только точно воспринимать смысл, но и додумывать его. Мнения, существующие касательно поэтического перевода, неоднозначны. В отличие от Р. Якобсона, полагающего, что «поэзия по определению является непереводимой» (Якобсон 1985, с. 367), Л. М. Алексеева и Н. В. Шутёмова замечают (2011, с. 88), что Ч. Пирс считал языковой знак переводимым в другой, наиболее эксплицитный знак. Понимаемое таким образом легко выражается через другой знак и поэтический текст не является исключением. Л. М. Алексеева и Н. В. Шутёмова замечают, что поэтический перевод, как предмет обсуждения и внимания многих исследователей, остаётся вопросом противоречивым, сложным и до сих пор не разгаданным (Алексеева, Шутёмова 2011, с. 88).

VII. Выводы

Таким образом, нам удалось рассмотреть анализ различных точек зрения на межъязыковой (интерлингвистический) перевод. Мы выяснили, что исходный текст при таком переводе никогда не меняется, а возникает иной текст на переводимом языке. Такой текст и считается межъязыковым переводом. В интерлингвистическом переводе наблюдается контактирование не только языков, но и двух совершенно разных культур.

Рассмотрев вопросы эквивалентности в межъязыковом переводе, мы пришли к заключению, что переводчикам иногда бывает нелегко получить эквивалентность перевода, но приобретённый в итоге результат, может являться хорошей интерпретационной работой, т. е. переводом. Мы узнали о существовании трёх аспектов эквивалентного перевода: неизменности, инвариантности и экспериментальности. Понятие эквивалентности сложное, так как оно учитывает рассмотрение, на первый взгляд трудно объяснимого, (неразличимого) в условиях различного.

Мы узнали о проблеме непереводимости в межъязыковом переводе, которая интересовала учёных с давних времён, а также то, что нужно не забывать о том, что непереводимость и непереводимое – это разные понятия. Р. Якобсон пытался оспорить существующую “догму непереводимости” через примеры, говоря о том, что понятийную информацию оригинала можно точно передать и без наличия той или иной грамматической категории.

Мы коснулись такого вопроса, как перевод с помощью объяснения. Рассмотрев его на примерах, приведённых Р. Якобсоном, мы узнали, что такой перевод иногда используется, чтобы получить близкий к оригиналу понятийный эффект.

Нам удалось рассмотреть, что является металингвистикой и метаязыком. Мы узнали, что металингвистика, а точнее её процесс, даёт возможность переосмыслить и вновь описать применяемую языком лексику. По мнению Л. Л. Нелюбина, метаязыком называется язык, благодаря которому говорят о языке (языке объектном). Метаязык и язык объектный постоянно находятся в тесной связи.

Мы рассмотрели вопросы, касающиеся анализа различных точек зрения учёных на категорию числа, вида и рода в интерлингвистическом переводе с помощью детального анализа примеров.

Нам удалось рассмотреть проблему межъязыкового перевода поэзии. Мы выяснили, что Р. Якобсон говорит о переводе поэзии как о “творческой транспозиции”. При таком переводе, замечают другие лингвисты, переводчик должен обладать особыми способностями в искусстве рифмования, отличаться неординарным поэтическим видением идей, замыслов и ритмической картины автора. Таким образом, из существования противоположных точек зрения на данный вопрос, мы можем сделать выводы и сказать о том, что перевод поэзии является сложным вопросом и найти единый ответ на такой вопрос очень трудно.

ГЛАВА IV - МЕЖСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД ИЛИ ТРАНСМУТАЦИЯ

I. Определение понятия межсемиотический перевод через призму мнений разных учёных

Третий тип перевода, который был выделен Романом Якобсоном в его классической работе «О лингвистических аспектах перевода», является межсемиотический перевод, или трансмутация, – «интерпретация вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем» (Якобсон 1985, с. 362).

Лидия Валериановна Полубиченко (2006, с. 253) – профессор Московского университета, интересуясь данной темой, в своём докладе: «Семиотика. Перевод. Культура», повествует о межсемиотическом (интерсемиотическом) переводе, или трансмутации, быть может, выражаясь иначе, творческой транспозиции, присущей художественному слову, как об объяснении словесных знаков с помощью несловесных знаковых систем, а также «перекодировании» того или иного текста на кинематографический, хореографический, музыкальный и изобразительный языки. Л. В. Полубиченко (2006, с. 253-254) замечает, что идеи, изложенные Р. Якобсоном, касательно выделения межсемиотического перевода возникли в тот переломный момент, когда едва-едва начали образовываться в виде самостоятельных наук семиотика и теория перевода. Р. Якобсон, наделённый дальновидностью, широким кругозором и острым чувством новизны смог точно предугадать эволюцию гуманитарного знания. Интересным становится тот факт, поясняет Л. В. Полубиченко (2006, с. 254), что сборник «On Translation» отрецензировала в 1960г. Ольга Сергеевна Ахманова для известного в то время журнала «Вопросы языкознания», которая, как и Р. Якобсон, с которым О. С. Ахманова была знакома, умела чувствовать новое и обладала способностью предугадывания будущего. Она высоко оценила смелый подход к проблеме перевода Р. Якобсоном, что в дальнейшем повлияло на выдвинутое ею подробно раскрытое определение перевода. Л. В. Полубиченко, развивая свои мысли, говорит о том, что определение перевода, выдвинутое О. С. Ахмановой, опередив время, много лет являлось почти неиспользуемым, в том числе и мысли о внутриязыковом и межсемиотическом переводе приобрели актуальность только в последние

годы, как только семиотика обрела право на полноправное существование как наука (Полубиченко 2006, с. 254).

Необходимо обратиться к определению перевода, а именно интерсемиотическому переводу, что на данный момент является объектом нашего исследования, которое предложила О. С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» 1969г. Ольга Сергеевна Ахманова даёт следующее значение межсемиотическому (интерсемиотическому) переводу: «Перевод интерсемиотический англ. Intersemiotic translation. Передача данного содержания не средствами того же или другого естественного («словесного») языка, а средствами какой-л. несловесной семиотической системы, такой как хореография, музыка и т. п., с одной стороны, и информационно-логические языки — с другой» (Ахманова 1969, с. 317).

II. Роль рекламы в межсемиотическом переводе

Н. В. Корюкина (2011, с. 110) в терминологическом словаре-справочнике «Основные понятия англоязычного переводоведения» говоря о межсемиотическом переводе замечает, что к невербальным знаковым системам относятся кино, живопись, музыка и т.д. А также повествует о том, что важное место при таком переводе предоставляется рекламе, так как благодаря межсемиотическому переводу происходит эффективное принятие рекламного сообщения. Н. В. Корюкина (2011, с. 110) поясняет тот факт, что переводчик, в данном случае, может полностью изменить зрительный компонент оригинального текста новым компонентом, так как, именно благодаря введению нового компонента, при переводе восполняются непредотвратимые потери смысла в словесных элементах текста. Развивая свою мысль, она повествует о том, что к тому же, при использовании межсемиотического перевода переводчику под силу произвести совершенно новый (другой) текст вокруг зрительного компонента для того, чтобы не возникало проблем при подаче культурных ценностей (Корюкина 2011, с. 110).

О поликодовом моделировании человеческого сознания, как о концепции, на которой основывается известная типология трёх видов перевода, предложенных Р. Якобсоном, заостряет внимание Н. В. Бардина (2008, с.

42) в своей научной работе «Роман Якобсон и современная прикладная лингвистика». Исследователь поясняет:

В своей классической работе «О лингвистических аспектах перевода» (1966) Роман Якобсон использует когнитивный функциональный анализ языковых единиц и убедительно доказывает, что любой перевод «представляет собой косвенную речь»: хороший переводчик творчески интерпретирует полученное сообщение, но при этом, в первую очередь, учитывает, не то, что *может* быть выражено, а то, что *должно* быть выражено в данном конкретном языке.

Н. В. Бардина замечает, что переименование и трансмутация в настоящее время интенсивно используются, для того, чтобы как можно точнее и самым наилучшим образом передать смысл рекламы и телепрограмм (Бардина 2008, с. 42).

Мария Михайловна Донская (2009) говорит об интерсемиотическом тексте, как о вполне полноценном тексте, который обладает своей структурой имея ввиду тот факт, что состоит из словесных и несловесных единиц. Говоря об интерсемиотическом переводе, она заостряет внимание на рекламных текстах, так как в таких текстах, поясняет М. М. Донская, несловесные единицы существуют на равных правах со словесными единицами (Донская 2009, с. 174). Развивая свои мысли М. М. Донская (2009, с. 174) повествует о том, что в рекламе, немаловажное значение играет структура одновременного выстраивания (развёртывания) текста. Здесь говорится о параллельном взаимодействии и работе словесных и несловесных знаковых систем для того, чтобы донести до зрителя как можно точнее смысл того или иного рекламного ролика. М. М. Донская (2009, с. 174) делает акцент на том, что такой перевод, возможно, назвать переводом буквальным. Она поясняет, что буквальный перевод основывается на полном воссоздании семантики слова или фразы текста оригинала, синтаксические конструкции воспроизводятся методом калькирования, а что касается переводчика, то он ограничен в творческой свободе, так как всецело зависит от исходного текста и не может переступить через знаковый ряд, предложенный ему оригинальным текстом. Если говорить об интерсемиотическом переводе, основываясь на проблеме длины переводимого материала, беря во внимание рекламные тексты, тем самым применяя буквальный подход, то необходимо заметить тяготение единицы

перевода к сокращению. М. М. Донская (2009, с. 174) объясняет, как ни странно, ввиду того, что существуют всевозможные телевизионные методы донесения до нас рекламы, становится очевидным тот факт, что люди, создающие рекламу, следуют буквалистскому подходу, используя разнообразные семиотические системы для кодирования необходимой информации. То же самое содержание неоднократно изображается средствами одновременно раскрывающихся семиотических систем. В данном случае, это может быть танец, музыка, мимика и др. М. М. Донская (2009, с. 174) говорит о том, что буквалистский подход в переводе, если мы имеем ввиду вербальные и невербальные знаковые системы, основывается на наиболее близком сочетании эквивалентных знаковых единиц. Здесь необходимо сказать о том, что М. М. Донская поясняет, как и на основе чего образовывается рекламный дискурс, а также какие вербальные и невербальные системы заложены в его основе:

Мультимедийный рекламный дискурс создается главным образом на основе четырнадцати семиотических систем, три из которых относятся к сфере вербальных (*устная речь, письменный текст и условно – буквенная тактика*), а остальные являются невербальными (*цвет, раскадровка, танец, кинесика, статика, мимика, музыка, пение, звуковые эффекты, костюм и вид и состояние героев\явлений\объектов*) ..., которые, таким образом, становятся легко взаимопереводимы в данном контексте (Донская 2009, с. 174-175).

Подводя итоги, М. М. Донская повествует о том, что, безусловно, главной задачей при донесении сути рекламы до зрителя является наиболее лёгкое, быстрое и точное её воспроизведение. Таким образом, она подчёркивает тот факт, что именно буквальный подход точно и как нельзя лучше приближен к успешным достижениям данной задачи, так как главным для буквального подхода является неоднократное перевыражение в различных семиотических кодах той же самой информации (Донская 2009, с. 176).

Лидия Валериановна Полубиченко (2006, с. 254), говоря об интерсемиотическом переводе, заостряет внимание на рекламе, так как именно телевизионной, печатной, радио- и интернет-рекламе на сегодняшний момент уделяется всё больший и больший интерес со

стороны культурологов, лингвистов, искусствоведов, психологов и многих других специалистов. Л. В. Полубиченко (2006, с. 257-258) в своей работе проводит подробный анализ рекламного ролика Efes Pilsener, который на её взгляд служит точным примером межсемиотического перевода, при котором используется принцип взаимоналожения (складки) единовременно раскрывающихся семиотических систем. К видеоряду, замечает Л. В. Полубиченко, одновременно добавляется устный словесный текст, однако подача речи и особенность голоса директора, показанного в рекламе, являются семиотическими методами, привносящие добавочный смысл.

Итак, приступим к анализу примера рекламы. В рекламном ролике, говорит Л. В. Полубиченко (2006, с. 257-258), появляется Джозеф Гролл, который известен всем жителям Германии. Он – является популярным человеком, который производит пиво. Джозеф Гролл сидит на стуле в своей рабочей комнате, вокруг которого находятся его ученики. Голос мужчины за кадром произносит: «He worked at creation of perfect beer recipe. He is Joseph Groll». Далее красочно и подробно представляется процедура изготовления пива. Голос мужчины за кадром продолжает: «He made the best beer in Germany and came to teach Czech brewers this skill». Потом Джозеф Гролл пьёт пиво и, закручивая свои усы от восторга улыбается. Затем вновь слышим голос мужчины за кадром: «Czech beer couldn't be better. Joseph Groll. Bavarian Brewer who sacrificed his life in the name of this noble beverage! Legendary Pils from creators of Pilsener». Л. В. Полубиченко (2006, с. 258) делает необходимое замечание, поясняя, что самым главным составляющим в предложенном для рассмотрения рекламном ролике является интенсивный нежный тон голоса Джозефа Гролла, которым говорил за кадром мужчина средних лет. Его завораживающий голос, неторопливая речь и хорошее точное произношение слов и предложений – всё это говорит об убеждённости в хорошем качестве данного продукта рекламы, который рассчитан на довольно представительных и обеспеченных покупателей. Представленный на рассмотрение рекламный ролик демонстрирует собой пример буквального интерсемиотического перевода, благодаря которому, как повествует Л. В. Полубиченко (2006, с. 258):

... одни и те же смыслы параллельно выражаются на языке нескольких наложенных друг на друга семиотических систем, в качестве одной из которых, как правило, всегда выступает

естественный язык. В этих случаях каждое семиотически нагруженное движение, поза, гримаса, цвет, кадровый монтаж или иное событие видео- или аудиоряда для верности и ясности немедленно сопровождается вербальным комментарием.

III. Разные подходы к проблеме межсемиотического перевода

М. А. Орёл (2007) уделяет внимание анализу самого процесса интерсемиотического перевода. По словам исследователя (2007, с. 43), Ю. М. Лотман делает важные высказывания, по поводу перевода между близкими и разными семиотическими системами. Он говорит о том, что в первом случае непреодолимых трудностей при таком переводе не возникает, что же касается второго случая, то здесь обстоит дело иначе. Повествуя о переводе различных семиотических систем, например, таких как перевод поэтического языка, на музыкальный язык, он подчёркивает возникновение серьёзных трудностей, которые в итоге создают смысловую неясность. По словам исследователя (2007, с. 43), Ю. М. Лотман подразумевает наличие дискретных и континуальных (недискретных) знаковых систем, поясняя тем самым тот факт, что в первом типе знаковой системы – дискретном, главную роль играет знак, текст же, является вторичным явлением, а во втором типе знаковой системы – недискретном (континуальном), главную роль играет текст, так как именно текст обладает основным значением (Лотман 2000, с.178-179 / Орёл 2007, с. 43-44).

М. А. Орёл (2007), аргументируя всё вышесказанное, замечает, что вдвойне трудней переводить креолизованные тексты, используя интерсемиотический перевод, основанные на дискретных и континуальных знаковых системах. Креолизованные тексты – это рекламные тексты (телевизионные, графические, радио-), а также журнальные и газетные заголовки и др. Что же касается бытовой сферы общения, то здесь необходимо упомянуть, подчёркивает М. А. Орёл, об электронных телефонных сообщениях – СМС, а также сообщениях электронной почты. В них часто употребляются людьми «смайлики» – всевозможные графические изображения и другие неязыковые элементы, которые являются коммуникативным материалом, использующимся для конкретного речевого воздействия (Орёл 2007, с. 44). Почему же очень трудно переводить такие тексты? Ответ становится очевидным в связи с тем, пояснят М. А. Орёл (2007, с. 44), что невозможным является

выявление взаимооднозначных эквивалентов среди разных знаковых систем. По словам исследователя (2007, с. 47), при переводе таких текстов следует уделить большее внимание адекватности, а не эквивалентности, так как, когда мы говорим об адекватности, то в первую очередь имеем ввиду наиболее точное отображение главной функции текста, которая воспроизводится согласно коммуникативной цели его адресанта.

Необходимо сказать о том, что Бранимир Чович, академик, доктор филологических наук, профессор Панъевропейского университета Сербской республики в своей статье «О трёх типах переводов: интерлингвистическом, интралингвистическом и трансмутации», по-иному подходит к вопросу о межсемиотическом переводе. Б. Чович (2014) делает необходимые замечания, касающиеся понимания трансмутации. Он говорит о трансмутации, не только с яacobсоновской позиции, как об интерпретации знаков языковых с помощью невербальных знаков, но и как об интерпретации невербальных знаков вербальными, и даже как об интерпретации невербальных знаков такими же невербальными, как например скульптура и живопись (Чович 2014, с. 50).

Рис. 1: Н. И. Альтман, 1914, Портрет А. А. Ахматовой
http://www.art-catalog.ru/data_picture_2016/picture/684/14757.jpg

Б. Чович приводит яркий и наглядный пример взаимосвязи интра- и интерсемиотического переводов, благодаря которому можно проследить трансформацию вербальной формы перевода в живопись. Б. Чович (2014, с. 54) анализируя «синий» портрет Анны Ахматовой (Рис. 1), созданный русским живописцем-авангардистом Натаном Исаевичем Альтманом в 1914 году, заостряет наше внимание на важных деталях, а именно:

Ряд пересекающихся плоскостей в верхней части картины представляет собой множество трансмутаций небольших словесно-эстетических сенсаций — стихотворений, скорее всего, из цикла «зазеркалье» в пиктографическое, визуализированное соцветие, что роem встают перед «черным от боли» глазом поэтессы (и это будет первая стадия интерсемиотической трансмутации), которое как бы изрезано светлыми тонами аквамарина (и это уже вторая стадия интрасемиотической трансмутации). Таким образом, живописец путём синхронизированных трансмутаций перевёл словесно-эстетическое искусство в визуализированную двухмерную живопись ...

IV. Вопросы экранизации в межсемиотическом переводе

Что же касается межсемиотического перевода литературного произведения то, как замечает Е. М. Масленникова в монографии анализируемой М. Б. Раренко, он осуществляется в виде экранизации, балетной постановки, театральной постановки для театра кукол, инсценировки для радио или иллюстрации к тексту. Так Е. М. Масленникова отмечает, что трансмутация может реализовываться не только с оригинала, но и с интерлингвистического и интралингвистического перевода. По словам исследователя, такой тип перевода как межсемиотический, допускает перемещение текста оригинала в пространстве или изменение контекста. Е. М. Масленникова отмечает тот факт, что в данном случае, величина информации может уменьшаться или увеличиваться, а может и вовсе остаться неизменной.

Проблемой межсемиотического перевода, по мнению исследователя, является, как правило, недостижимость точно отобразить предметно-ситуативный фон, т.е. то, что совершается вокруг, время и место общения, люди, присутствующие при общении и т.д., а также невозможность безошибочно передать особенности культуры и истории того или иного

народа. Для интерпретатора становится проблематичным обозначение и установление отношений (связей) среди объектов настоящего, затемнённого в культуре, а затем изображённого в художественном тексте (Раренко 2015, с. 94).

Ольга Аркадьевна Леонтович, доктор филологических наук, профессор, в своей работе «Проблемы интерсемиотического перевода (на материале зарубежных экранизаций русской классики)» опираясь на мысли Умберто Эко, который повествует об интерсемиотическом переводе как об интерпретации с трансформацией материи, замечает, что такой перевод возможно рассматривать как ряд микроинтерпретаций, которые, как правило, оказываются объектом макроинтерпретации. Наряду с этим в созданном тексте комбинация знаков требует в совершенстве создания того же эффекта, что и текст оригинала (Леонтович 2010, с. 144-145). Что же касается процесса экранизации относительно межсемиотического перевода то, как говорит О. А. Леонтович (2010, с. 145), в этом случае слова, музыка, актёрская игра, звуковые эффекты тесно взаимосвязаны. Исследователь справедливо замечает тот факт, что когда речь идёт об экранизации, то некоторый материал текста оригинала пребывает в вербальной системе, а иную часть текста переводят на другие системы языка. Совершается передел смыслов, затем эти смыслы вновь связываются, что в итоге образует единый макросмысл целого творения, т.е. в данном случае фильма. Экранизация, утверждает О. А. Леонтович (2010, с. 145-146), - это не копия произведения оригинала, так как создатель экранизации очень часто добавляет что-то своё. На фоне вербальных знаков в кинематографе, появляются звуковые и визуальные знаки, таким образом, между ними формируется сложная взаимосвязанная цепочка.

Развивая этот вопрос, Ирина Александровна Лиходкина (2017) в статье «Отражение литературных образов в кинематографе или особенности интерсемиотического перевода», называет одну из главных особенностей трансмутации, а именно то, что в интерсемиотическом переводе задействованы две, быть может, и даже больше двух знаковых систем. К примеру, это может быть языковая и танцевальная, или музыкальная, или даже изобразительная знаковая система. И. А. Лиходкина, анализируя экранизацию, как одного из видов трансмутации, замечает, что в данном случае режиссёр предстаёт перед нами в образе переводчика, стараясь

реализовать в фильме все авторские задумки. Как правило, поясняет исследователь, режиссёр как переводчик должен иметь в виду тот факт, что потери в процессе перевода произведения будут неизбежны. Ему необходимо хорошо подумать, от каких элементов текста можно отказаться для того, чтобы предоставить, на его взгляд, самую значимую информацию (Лиходкина 2017, с. 128).

И. А. Лиходкина (2017, с. 129) поясняет, в кинематографе, в отличие от литературы, сюжетное воспроизведение в фильмах основывается на звуке в контексте музыки или звучащей речи. Основными элементами фильма, которые помогают режиссёру-интерпретатору совершить перевод, являются: цвет, закадровый голос, диалоги, музыка, жесты и мимика, интонация и тембр голоса героев, различные спецэффекты. Исследователь представляет на обозрение классификацию экранизаций, а именно: 1) “Экранизация по мотивам художественного произведения.” В данном случае, какие-то элементы меняются режиссёром-интерпретатором, а соответствие оригиналу и сюжет остаются неизменными; 2) “Прямая экранизация” (буквальное переложение). Режиссёр-интерпретатор, работая с такими экранизациями старается наиболее тщательно и подробно изобразить содержание произведения и образы персонажей; 3) “Киноадаптация”. Главной задачей такого вида экранизации является, благодаря межсемиотическому переводу, на основе первоисточника, выполнить совершенно новое творение, которое должно быть похожим на оригинал (Лиходкина 2017, с. 129).

О. А. Леонтович, говоря о вопросах, которые необходимо решать интерпретатору, работая с экранизацией художественного произведения, замечает, что образы действующих лиц, их внешность (её изменение или подача образа в буквальном смысле), одежда и причёски персонажей, их поступки и действия, пейзажи, интерьер, музыка (при неправильной подаче с точки зрения временного отклонения в определённый момент становящаяся социально неуместной) – всё это играет основную роль при создании полноценного зрительного эффекта на экране и подход к этим вопросам должен быть со стороны интерпретатора-переводчика как можно более тонким и скрупулёзным (Леонтович 2010, с. 147-150).

Так исследователь говорит о том, что фильм, возможно, заполнить рядом культурных смыслов, например, представить действующих лиц в

национальных костюмах, дополнить тот или иной фрагмент национальной музыкой, но, несмотря на всё это, важным остаётся одно: все эти добавочно-культурные смыслы, если они уместно использованы, должны проникнуть в материю текста и стать с ним одним неделимым (Леонтович 2010, с. 150). Выстраивание логики смысла в экранизации, пишет О. А. Леонтович, является важным аспектом трансмутации, а самым главным всё же остаётся макросмысл, для выражения которого и создаётся экранизация, т. е. в его выражении в совершенстве и состоит основная цель трансмутации (Леонтович 2010, с. 152-154).

К проблеме интерсемиотического перевода, как особого вида перевода, обращается в своей работе Коваленко Ирина Викторовна, автор научной статьи «Интерсемиотический перевод в межкультурном аспекте: постановка проблемы». Она (2011) говорит о том, что в настоящее время данный тип перевода рассматривается масштабнее, в отличие от того понятия, которое даёт нам Р. Якобсон. С трансмутацией мы имеем дело тогда, когда: «одна и та же форма содержания, межсубъектно признаваемая как имеющая связь с формой содержания текста оригинала на одном или нескольких уровнях соответствия, «переводится» в другую семиотику или в несколько других семиотик с различными материями и субстанциями выражения» (Коваленко 2011, с. 50).

Правильное понимание переводимости соответствующее оригиналу, по мнению И. В. Коваленко (2011), является основным свойством при рассмотрении трансмутации. Тексты, содержащие компоненты иных семиотических концепций, называют креализованными. Исследователь поясняет, что экранизацию мы расцениваем и как креализованный текст, в нашем случае кинотекст, и как детище интерсемиотического перевода. На её взгляд: «в процессе экранизации произведения иной лингвокультуры присутствуют все три вида перевода: интерлингвистический (перевод художественного произведения на родной язык), интралингвистический (написание сценария фильма) и интерсемиотический (создание фильма)» (Коваленко 2011, с. 50-51).

По словам И. В. Коваленко (2011), оценивание перевода и его качества, беря за основу эквивалентность как главную оценочную характеристику, становится весьма актуальным в пределах разных семиотических систем, что иногда приводит к мысли о непереводимости как таковой. Говоря об

экранизации, имея в виду её многоплановость и эстетику, перевод с его всевозможными интерпретациями овладевает всеми уровнями текста. Из этого вытекает следующее, а именно то, что в экранизации, замечает И. В. Коваленко (2011, с. 52):

... план содержания и план выражения связаны общим построением смысла, поэтому эквивалентность текстов, находящихся в переводческих отношениях друг с другом, заключается в создании, с помощью внутренних систем значений, эффектов смысла, аналогичных тексту оригинала; они выстраиваются посредством внутренней взаимосвязи между различными уровнями текста перевода, производя, таким образом, некую «эстетизацию», дающую тексту перевода экспрессивную эквивалентность с текстом оригинала ... Поскольку взаимоотношение плана содержания и плана выражения не сводится только к «символическому» или только «семиотическому» типу ... и поэтому называется «семиосимволическим» ... то предлагается рассматривать во взаимосвязи с вербальной составляющей кинотекста образный (фигуральный, переносный) уровень создания смысла.

Развивая данную мысль, И. А. Лиходкина (2017) повествует о том, что очень трудно найти единый ответ на вопросы, касающиеся критерий трансмутации и хорошей и точной адаптации, а также определённо и чётко ответить на вопрос, относящийся к пониманию эквивалентного перевода. Исследователь (2017, с. 130) поясняет, что в настоящее время остаётся нерешённым вопрос, какой способ перевода правильнее выбрать: вольный или же буквальный. Конечно, если мы говорим о художественном переводе текстов, то в данном случае нам нужно отыскать идеальный вариант, для того, чтобы не удалиться от оригинала и не переводить отдельно каждое слово, нарушая при этом оригинальность подлинника и его эстетическую красоту. В наши дни, всё больше и больше исследователей повествуют о том, что при переводе необходимым условием является передача особого духа текста-оригинала, а также воспроизведение неизгладимого впечатления, которое было бы очень близко по смыслу к подлиннику. Именно условие передачи особого духа художественного произведения, является сущностью удачной экранизации (Лиходкина 2017, с. 130).

V. Представление межсемиотического перевода с позиции невербальной знаковой системы (музыки) в вербальную

На наш взгляд, интересен подход к межсемиотическому переводу Елены Евгеньевны Бразговской, доктора филологических наук, профессора кафедры общего языкознания. В своём научном труде «Вербализация музыки как межсемиотический перевод», в отличие от взгляда Р. Якобсона на трансмутацию как на интерпретацию «вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем» (Якобсон 1985, с. 362), Е. Е. Бразговская (2014, с. 32) говорит о возможности рассмотрения данного вопроса с позиции интерпретации невербальной знаковой системы, в данном случае – музыки, в вербальную. Исследователь замечает следующее, а именно то, что языки искусств, а также языки искусственные и формальные выступают как производные, которые начали своё существование благодаря аналогии с вербальными языками. Следовательно, понимание развития (процесса) музыкального произведения зависит от его вербализации, другими словами от перевода. Но как мы знаем, повествует исследователь, известным фактом остаётся то, что музыкальная переводимость является сложным вопросом. Учёные, работающие над исследованием свойств знаков и знаковых систем, т. е. семиотики, поддерживают идею языковых интерпретаций, как ключа к полноценному постижению и осознанию музыки, так как именно слово на их взгляд, своего рода механизм музыкальной реализации. Музыкальное содержание, подчёркивает Е. Е. Бразговская (2014, с. 32), естественным образом создаёт эмоциональный и образный эффект, становясь знаком между музыкальным произведением и теми, кто его слушает. По мнению исследователя, в нашем разуме образы всегда пребывают в словесном облачении.

Музыка, аналогично языку, существует в воспроизведении, в речи. Однако музыка живёт и в разуме музыканта в образе некоего кода. Е. Е. Бразговская (2014, с. 33) поясняет:

Музыка – это система разноуровневых знаков, в которой очень условно, но всё-таки можно увидеть аналогию с вербальным языком. Высотная организация звуков (звукоряд) – это, своего рода, фонетика. Интервалы, аккорды, гармонические последовательности выполняют функцию грамматики. Музыкальный текст развивается линейно, из мотивов

складывается мелодия, и это мало чем отличается от синтаксической организации словесного высказывания. Музыкальный текст, как и вербальный, имеет композиционную структуру, строящуюся по законам нарратива. Композитор, как и поэт, обладает индивидуальным почерком-стилем.

По словам Е. Е. Бразговской (2014), правильная интерпретация музыкальных текстов зиждется на осмыслении контекста, а также музыкальной осведомлённости и знаниях по общей культуре. Говоря о межсемиотическом переводе музыки на вербальный язык Е. Е. Бразговская замечает, что главной составляющей воспроизведения литературы является естественно музыкальный текст. В связи с этим, данный перевод подразумевает достижение наиболее точного сходства между музыкальным текстом и вербальными знаками благодаря их трансформации, т. е. видоизменения. Здесь имеется в виду: «сохранение «информации», которая транслируется композиционной формой текста, мелодическим рисунком, гармоническими структурами. Немаловажно, что описание музыки должно и звучать музыкально, то есть стать ещё и *musica literaria*» (Бразговская 2014, с. 39). Чтобы воссоздать музыкальную семантику, писателю необходимо воспользоваться метафорическими образами, так как благодаря им происходит некое сходство с образным рисунком мелодии, ведь такие образы для слушателя являются знаками эмоций (Бразговская 2014, с. 39).

Е. Е. Бразговская (2014) повествует, что необходимо помнить о следующем моменте, касающемся музыкального перевыражения, а именно о факте невозможности признания его полностью тождественным оригиналу. Вполне логичным является и то, что текст музыки и его вербальный перевод – это два разных знаконосителя, они, конечно же, как бы одинаковы, но в то же время различны. К тому же расстояние, присутствующее между текстом оригинала и трансформацией, существенно (Бразговская 2014, с. 42).

В чём заключаются причины различия вербального перевода и музыкального текста? На этот вопрос исследователь даёт несколько объяснений. Во-первых, говорит Е. Е. Бразговская, отсутствие дискретных знаков (слов, предложений и других макроединиц языка) в языке музыки является важным моментом. В связи с этим, музыкальная вербализация напоминает перевод-аннотацию, т. е. семантическое сжатие оригинала.

Во-вторых, язык обладает только возможностью называния состояний сознания, полученных впоследствии прослушивания музыкального текста, но музыкальная материя со своей семантикой не могут, к сожалению, полноценно отобразиться. В-третьих, благодаря переводу музыки реализуются только некоторые аспекты оригинала с помощью иконических образов-метафор. В-четвёртых, состояние сознания, с его степенью насыщенности, вырисовывающееся благодаря музыкальному воздействию, меняется в зависимости от интерпретатора, а музыкальную семантику, возможно, отобразить только вероятностно (Бразговская 2014, с. 43).

Подводя итоги, Е. Е. Бразговская справедливо замечает, что музыкальная вербализация является путём к пониманию и реализации музыкального текста, а также своего рода способом, который помогает взглянуть на его внутреннюю материю. Она говорит о том, что музыкальная вербализация – это «семиотическое приключение, исход которого носит вероятностный характер. Текст о музыке не становится в полном смысле окном в мир музыки. По крайней мере, стекло в этом окне непрозрачно» (Бразговская 2014, с. 44).

VI. Взгляд на межсемиотический перевод с точки зрения У. Эко

Противоположную точку зрения по поводу межсемиотического перевода высказывает Умберто Эко. Тринадцатую главу в своём труде он посвящает вопросу трансмутации и озаглавливает её «Когда меняется материя». Автор книги говорит о том, что для любой семиотической концепции, камнем преткновения становится явное несоответствие материй. Вспоминая рассуждения, касающиеся могучести и всевыразительности вербального языка, замечает исследователь, к сожалению, на практике все понимают, что язык вовсе не так могуч, как нам кажется (Эко 2006, с. 385).

Умберто Эко (2006, с. 386) поясняет, семиотические концепции не в силах равно говорить о разных вещах, так как в любом случае не исключён тот факт, что одна из концепций обязательно выразит больше или меньше чем другая. По словам исследователя, совсем нелёгким, а порою и вовсе невозможным, становится перевод невербальных знаков в вербальные, и наоборот. Аргументируя вышесказанное примерами, Умберто Эко говорит о том, что всё переданное Людвигом ван Бетховеном в Симфонии N 5

очень трудно перевести в слова, а философский труд «Критика чистого разума», созданный Иммануилом Кантом перевести в музыку просто невысказуемо. Говоря об описании картины с помощью вербальных знаков, Умберто Эко замечает, что на практике это как-бы является возможным и вполне осуществимым процессом, но если, к примеру, мы захотим описать словесно известную всеми картину Рафаэля «Обручение Девы Марии» (Рис. 2), написанную им в 1504 году, то не сможем отобразить в полной мере: «чувство перспективы, воспринимаемой зрителем, нежность линий, являющую положение тел, или тонкую гармонию цветов. Кроме того, при переходе от одной материи к другой неизбежно приходится эксплицировать те аспекты, которые в переводе остались бы неопределенными» (Эко 2006, с. 386).

Рис. 2: Рафаэль Санти, 1504, Обручение Девы Марии
<https://www.wga.hu/index1.html>

Необходимо сказать и о том, что Умберто Эко (2006, с. 390) трансмутацию называет переделкой, т. е. тем, что существует в переделанном, изменённом виде. К ней он относит всевозможные экранизации романов,

их театральные постановки, а также выделяются балетные постановки по сказкам или постановки по классической музыке мультипликационных анимаций. Всё чаще и чаще становятся популярными фильмы в связи с условиями коммерции, замечает У. Эко, переделанные в роман, которые также относят к переделкам. Говоря о балетной постановке по произведению музыки Умберто Эко (2006, с. 390) замечает следующее:

... при постановке балета по музыкальному произведению музыка (текст источник) и хореографическое действие (текст назначения) присутствуют одновременно, взаимно друг друга поддерживая, и само по себе действие, не поддержанное музыкой, не стало бы никакой переработкой чего-либо. Равным образом музыка без действия была бы не переводом, а новым исполнением музыкального произведения.

Исследователь замечает, что при перевоплощении одной материи в другую, повествуя тем самым о разных текстах (в данном случае вербальном и невербальном), субъект, выполняя переделку, создаёт интерпретацию на основе текста оригинала. Обязательным условием становится необходимость передать не больше и не меньше того, что заложено в тексте оригинала (Эко 2006, с. 398).

Значительное количество трансмутаций как переводов, выделяют лишь одну из ступеней текста оригинала, тем самым рассчитывая на то, что исключительно только эта ступень является важной при передаче смысла подлинника. Умберто Эко, поясняя сказанное, приводит пример. Он говорит, что: «фильм, который из сложного романа, где в игру вступают идеологические ценности, исторические явления, философские проблемы, вычленил лишь уровень элементарнейшего краткого изложения (возможно, ... лишь фабулы), отбрасывая всё остальное, что режиссёр сочтёт несущественным или трудно изобразимым» (Эко 2006, с. 401). Так исследователь (2006, с. 401) отмечает, что в данном значении экранизация напоминала бы поэтический перевод, так как переводчик поэзии, сохраняя рифму или размер стиха, тем самым как-бы жертвует иными аспектами.

Однако, Умберто Эко (2006) замечает и тот факт, что если мы говорим о переводе поэзии одним поэтом другого, то при таком переводе не должно присутствовать у переводчика стремления к поэтической конкурентности, иначе о таком переводе необходимо говорить как о переработке, а если

ещё учесть ввиду границы той же самой материи отображения, то при таких условиях переработка будет чрезвычайно похожа на переделку или другими словами на трансмутацию. Исследователь поясняет, таким образом, при переводе на основе выделения одной из ступеней текста оригинала переводчики и стараются «переводить». Из этого следует то, что наличие выделения одной из ступеней подлинника и означает навязывание своей интерпретации (Эко 2006, с. 402).

Подводя итог, Умберто Эко (2006, с. 403) говорит о том, что в переводе критические взгляды переводчика слабо выражены, что касается переделки, то критическая позиция в данном случае занимает первостепенное значение и является основным ядром процесса трансмутации.

Мы разделяем точку зрения Н. К. Гарбовского, который в своей книге, посвящённой вопросам общей теории перевода, повествует о том, что говоря о переводе как о перевыражении, подчёркивает важную, на наш взгляд, деталь, а именно то, что перевод – это не «вторичное искусство». По словам исследователя (2007, с. 357):

Переводчик не репродуцирует подобно копиисту уже существующее речевое произведение. Он действительно ограничен в известной степени рамками оригинального речевого произведения. Но искусство его не в том, чтобы повторить нечто уже созданное. Его искусство в том, чтобы создать новое произведение в иной семиотической системе, для иной культурной среды, иногда и для иной эпохи. Перевод речевого произведения с одного языка на другой — это такой же творческий процесс, как постановка кинофильмов и спектаклей, создание опер и балетов по литературным произведениям, живопись на библейские и другие литературные сюжеты и многие другие виды межсемиотического перевода.

Поэтому для нас межсемиотический перевод, как один из видов перевода, выделенный Р. Якобсоном, имеет вполне заслуженное право на существование.

VII. Выводы

Таким образом, нам удалось рассмотреть различные точки зрения на межсемиотический перевод (трансмутацию), впервые выделенный Р. Якобсоном в труде «О лингвистических аспектах перевода». Мы выяснили, что такой перевод создаётся с помощью вербальных знаков в невербальные (по Р. Якобсону) или из невербальных в вербальные знаковые системы (по мнению других учёных-лингвистов).

Рассмотрев, какую роль в межсемиотическом переводе играет реклама, мы пришли к заключению, что рекламное сообщение достаточно плодотворно воспринимается зрителями в рамках трансмутации, так как, благодаря восприятию не только словесных, но и несловесных знаковых единиц, смысл того или иного рекламного ролика более чётко реализуется в человеческом разуме. Мы узнали, что переводимый текст в рекламе может уменьшаться за счёт включения в перевод невербальных знаковых систем, а также выяснили, на основе чего создаётся мультимедийный рекламный дискурс.

Рассмотрев разные подходы к проблеме межсемиотического перевода, мы пришли к заключению, что такой перевод является сложным и тонким процессом, так как необходимо, чтобы не возникало смысловых неясностей в итоге переводческой работы. Не эквивалентность, а адекватность, по мнению исследователей, играет в межсемиотическом переводе главную роль.

Мы коснулись вопроса экранизации в интерсемиотическом переводе, узнав о том, что такой перевод может осуществляться с межъязыкового и внутриязыкового переводов, учитывая тот факт, что определённый текстовый материал оригинала находится в вербальной знаковой системе, а другую часть текстового материала переводчики воспроизводят в других знаковых системах. Рассмотрев основные элементы фильма, благодаря которым осуществляется перевод, мы коснулись вопроса о классификации экранизации. Узнали, что стержнем успешной экранизации считается передача особого духа оригинала.

Нам удалось рассмотреть представление межсемиотического перевода с позиции невербальной знаковой системы (музыки), в вербальную. Мы выяснили, что музыкальный перевод считается сложным и до конца

неизученным вопросом. Несмотря на это, всё же, многие лингвисты полагают, что такой перевод имеет право на существование, так как именно слова являются неким входом к постижению и осознанию музыкального произведения.

Мы узнали об основных причинах отличия музыкального механизма и словесного выражения и что, несмотря на разногласия, существующие между музыкальным текстом и его вербализацией, необходимо подчеркнуть, что музыкальная вербализация является путём к пониманию внутренней музыкальной души текста.

Нам удалось рассмотреть противоположную точку зрения У. Эко, касательно межсемиотического перевода. Уделяя внимание межсемиотическому переводу, У. Эко повествует о существовании «разных материй» при таком переводе. Он поясняет, что если мы говорим о семиотических концепциях, то необходимо признать тот факт, что они всегда будут по-разному реагировать и выражать наиболее точно или наименее точно ту или иную информацию. В итоге, У. Эко говорит о трансмутации, как о «переделке», т. е. о том, что находится в переделанном виде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из множества существующих на сегодняшний день взглядов и концепций, касающихся перевода и переводоведения, наше внимание привлекла концепция, которую выдвинул Р. Якобсон в работе «О лингвистических аспектах перевода». Р. Якобсон, на наш взгляд, выбрал неординарный подход к данному вопросу, а именно, рассмотрение перевода через интерпретацию знаков вербальных в невербальные, внутри одного и того же языка, иного или с помощью другой знаковой системы. Такой семиотический подход к проблеме перевода в концепции Р. Якобсона заинтересовал нас и стал основой анализа нашей работы.

Таким образом, нам удалось достичь поставленной цели: на основе собранной научно-исследовательской литературы, посредством её системного изучения и анализа создать в одной работе подробный анализ лингвистических аспектов перевода Р. Якобсона. Поставленные задачи, на наш взгляд, успешно решены. В соответствии с первой задачей нам удалось осуществить обзор научных статей и книг, посвящённых данной теме. В соответствии со второй задачей мы проанализировали и классифицировали три вида перевода и примеры, выделенные Р. Якобсоном. В соответствии с третьей задачей мы изучили анализ видов перевода, сделанных учёными-лингвистами.

Также нами определена практическая значимость работы, которая заключается в применении материалов нашего исследования преподавателями, студентами и людьми, интересующимися проблемами перевода.

В заключение хотелось бы отметить некоторые выводы, к которым нам удалось прийти.

Рассмотрев вопрос, касающийся истории перевода, мы узнали о новом взгляде на перевод в широком смысле, предложенный Р. Якобсоном, который помогает взглянуть на эту тему не только с межъязыковой, ставшей уже классической, но и с внутриязыковой и межсемиотической точки зрения. В историю развития лингвистической теории перевода работа Р. Якобсона «О лингвистических аспектах перевода» внесла большой и ценный вклад. Новый подход в осмыслении данной темы, темы перевода как обмена знаками с семиотической направленностью, внёс новизну в изучение данного вопроса.

Коснувшись вопросов эквивалентности, как главного признака перевода, который всегда должен быть близок к оригиналу и переводимости, как главного свойства, которое присуще языковой паре, мы узнали о существовании непереводаемости, как о догме, которая оспаривается Р. Якобсоном на протяжении всей работы «О лингвистических аспектах перевода». Уделив внимание проблеме перевода поэзии с разных лингвистических точек зрения, мы пришли к пониманию того, что вопрос этот сложен, но выходом из него является попытка реализовать, на первый взгляд, непереводаемое в переводе, так как именно для этого живёт и творит переводчик.

Рассмотрев проблему внутриязыкового перевода в освещении Р. Якобсона и других языковедов, мы узнали, что такой перевод мало изучен и до конца не исследован, но уже приобрёл полноправное существование в науке. Собрал и проанализировав научный материал по данной теме, мы выяснили, что учёные-лингвисты выделили два типа внутриязыкового перевода: диахронный и синхронный. Существует и противоположный взгляд на данный вопрос, который выдвинул У. Эко.

Рассмотрев проблему межъязыкового перевода, мы пришли к выводам, что текст-оригинал при переводе не меняется, но создаётся иной текст, являющийся переводом. Уделив внимание проблеме эквивалентности и непереводаемости в интерсемиотическом переводе, мы узнали, что, несмотря на всю сложность получения эквивалентности перевода, полученный результат становится достойной интерпретационной работой – переводом, а непереводаемость никогда нельзя путать с непереводаемостью.

Коснувшись вопроса перевода с помощью объяснения, мы узнали, что такой перевод применяется для того, чтобы достичь наиболее точного понятийного эффекта оригинала.

Рассмотрев понятия металингвистики и метаязыка, мы выяснили, что металингвистический процесс способствует переосмыслению и описанию применяемой языком лексики, а метаязык – это тот язык, с помощью которого, говорят о языке (языке объектом).

Мы коснулись вопросов категории числа, вида и рода в межъязыковом переводе, рассмотренных нами подробно через примеры, которые приводят лингвисты, а также уделили внимание проблеме поэзии в

интерлингвистическом переводе. Нам удалось выяснить, что этот вопрос спорный, и на него в настоящее время нет точного ответа.

Рассмотрев проблему межсемиотического перевода (трансмутации), выделенной впервые Р. Якобсоном, мы узнали, что такой перевод возможен в рамках вербальной знаковой системы в невербальную. С точки зрения же исследователей-лингвистов допустим перевод, воспроизводимый на основе невербальной системы в вербальную знаковую.

Мы коснулись вопроса перевода рекламы в условиях межсемиотического перевода, выяснив, что смысл её становится более доступным в пределах не только словесных, но и несловесных знаковых единиц. Узнав, каким образом создаётся мультимедийный рекламный дискурс, мы обнаружили, что возможно уменьшение в рекламе текста-оригинала в связи с использованием в таком переводе невербальных знаковых систем. Предотвращение смысловой неясности в результате такого интерсемиотического перевода на основе адекватности, является главным условием этого тонкого и сложного процесса.

Уделив внимание проблеме экранизации в межсемиотическом переводе, мы узнали о том, что на основе данного перевода переводчики-режиссёры часть текста-оригинала оставляют в словесной знаковой системе, а иную часть переводят в другие знаковые системы. Следует заметить, что в данном случае, такой перевод может воспроизводиться и с внутриязыкового и с межъязыкового переводов. Узнав, об основных элементах фильма, с помощью которых создаётся перевод, мы уделили внимание классификации экранизаций.

Рассмотрев проблему представления интерсемиотического перевода в рамках музыки, как яркого представителя невербальной знаковой системы, мы узнали, что такой перевод осуществить очень сложно, но некоторые исследователи-лингвисты считают его возможным с учётом того, что слова имеют доступ к осознанию и постижению музыки, а также ведут к пониманию того, что именно через данное музыкальное произведение хотел передать композитор слушателям.

Узнав о существовании противоположного взгляда на данный вопрос, выдвинутого У. Эко, мы выяснили, что говоря о межсемиотическом переводе, исследователь повествует о разных материях, так как семиотические концепции всегда реагируют различно, выражая более

полно или менее полно необходимую информацию. Мы обнаружили, что исследователь трансмутацию относит к переделке, иными словами, к тому, что существует в переделанном виде.

На наш взгляд, все три типа перевода, выделенные Р. Якобсоном, имеют достойное право на существование и дальнейшее детальное исследование, так как подход, к проблеме перевода, выделенный в концепции учёного-лингвиста, на наш взгляд, очень интересен и неординарен. Данный подход даёт возможность взглянуть на проблему перевода, как с языковой, так и с семиотической точки зрения и по-иному оценить её.

SON SÖZ

Prof. Dr. Kamil Veli NERİMANOĞLU

İstanbul Aydın Üniversitesi

Orta Doğu ve Kafkasya Uygulama ve Araştırma Merkez Müdürü

İrina Günay, dil bilimi ve çeviri biliminin güncel sorularını ele aldığı “Roman Jakobson’un Çeviride Dil Bilimsel Analiz Konsepti” başlıklı çalışmasıyla İstanbul Aydın Üniversitesi Rusça Mütercim-Tercümanlık Yüksek Lisans Programını başarıyla bitirmiştir. Rus kökenli araştırmacının bir Türk vatandaşı ile aile kurmuş olması, geleceğini ülkemiz ve ülkemizin eğitim, kültür, bilim sistemine bağlamış olması iki milli tecrübe ve araştırma sisteminin bir bünyede toplanmasına olanak vermiştir.

İrina Günay, hocalarının da yönlendirmesiyle, Roman Jakobson’u ele alarak, onun çeviri bilimi ve dil bilimi konseptini derinlemesine öğrenme ve araştırmaya yönelmiştir. Roman Jakobson’un eserlerinin Türkçeye yeterince çevrilmemiş ve gereğince araştırılmamış olması nedeniyle, ağırlıklı olarak Rusça ve İngilizce kaynakları ele almış, keza çeviri bilimi ve çeviri kültürünün inceliklerini araştırmaya başlamıştır.

Rus-Yahudi kökenli Roman Jakobson’un Moskova Dilbilim Çevresinde, o tarihlerde henüz yeni olan Yapısal Ekolün önemli merkezlerinden Prag Dilbilim Okulunda ve sonraları ABD’de sürdürdüğü bilimsel faaliyetleri içinde çeviri bilimi oldukça önemli bir yere sahiptir.

Çağdaş çeviri kuramı dil bilimine dayanmaktadır. Ferdinand de Saussure’un modern yapısal, dizgisel, işlevsel ve göstergebilimsel yöntemine dayanan çeviri bilimi yaklaşımının, Roman Jakobson tarafından genişletilen ve değiştirilen konseptini, Günay üç grupta incelemiştir.

Bu üç grup sırasıyla şunlardır:

1. Dil içi çeviri,
2. Diller arası çeviri,
3. Transmutasyon veya göstergeler arası çeviri.

Araştırmacı konusunu dağılmadan, bir sistem içinde ele alabilmiş, sadece betimleme yapmaktan kaçınarak, yaratıcı bir üslupla çalışmış ve Roman Jakobson'un eserleri ışığında önemli tespit ve değerlendirmeler yapmıştır.

Bu araştırmayı, çeviri bilimine dair bir son söz olarak kabul etmekten ziyade Roman Jakobson araştırmalarında takip edilebilecek yeni yolların bir değerlendirmesi olarak görüyorum. Rusça yazılmış söz konusu araştırmacının gerçekleştirilmiş olmasından son derece mutlu olmakla birlikte, Türkçeye tercüme edilmesinin önemini de altını çizerek belirtmek istiyorum.

İrina Günay'ın Türkiye'de Roman Jakobson örneğinde çeviri biliminin lengüistik açılarının öğrenilmesinde önemli bir yol gösterdiği kanaatindeyim. Türkiye-Rusya ilişkilerinin kültür ve bilime dayanan temelini de bu istikamette yeni araştırmalara yön vereceğine inanıyorum. Bu bağlamda araştırmacı İrina Günay'a başarılar diliyorum.

Bu kitabı yayımlama kararı alan İstanbul Aydın Üniversitesi Mütevelli Heyet Başkanımız Doç. Dr. Mustafa Aydın'a, Başkanvekili Dr. Halit Fatih Aydın'a, Rektörümüz Prof. Dr. Yadigar İzmirli'ye, İstanbul Aydın Üniversitesi Mütevelli Heyetine, Üniversitemiz Yayın Kurulu çalışanlarına, Rusça Mütercim-Tercümanlık Bölümüne teşekkürlerimi bildiriyorum.

İstanbul Aydın Üniversitesi'nin başlattığı bu önemli yayın geleneğinin Türkiye bilim ve eğitim hayatı için de son derece faydalı olduğuna inanıyorum.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Автономова, НС 2008, *Познание и перевод. Опыты философии языка*, РОССПЭН, Москва.

Автономова, НС 2009, *Открытая структура: Jakobson—Бахтин—Лотман—Гаспаров*, РОССПЭН, Москва.

Автономова, НС 2011, 'Проблема перевода в свете идеи продуктивной непереводимости (по страницам работ Ю.М. Лотмана)', в Пильщиков ИА (ред.), *Пограничные феномены культуры. Перевод. Диалог. Семиосфера, материалы Первых Лотмановских дней в Таллинском университете*, ТЛУ, Таллинн, с. 19-35.

Автономова, НС 2014, 'Лотман и Jakobson: романизм, сциентизм и этнос науки', *Гуманитарные исследования в восточной Сибири и на Дальнем Востоке*, 2014, № 3, с. 13-22.

Алексеева, Л.М, Шутёмова, НВ 2011, 'Существует ли поэтический перевод?', *Вестник Пермского университета, Российская и Зарубежная филология*, № 3, с. 87-93.

Ахманова, ОС 1969, *Словарь лингвистических терминов*, 2-ое изд., стереотипное, Советская Энциклопедия, Москва.

Бардина, НВ 2008, 'Роман Jakobson и современная прикладная лингвистика', *Сборник статей III международной научно-практической конференции «Проблемы прикладной лингвистики»*, Одесса, с. 31-50.

Баринова, ИА, Нестерова, НМ 2009, 'Отношение «Оригинал/Перевод» как один из «Вечных» вопросов в теории и практике перевода' *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова*, № 4. с. 11-19.

Бевз, НВ 2011, 'Этимологические и логико-понятийные аспекты перевода', *Нова Филология*, № 45, с. 167-171.

Бразговская, ЕЕ 2014, 'Вербализация музыки как межсемиотический перевод', *Критика и семиотика*, № 1, с. 30-47.

Бузаджи, ДМ, Ковальчук, АВ 2016, 'Сущность, причины и виды непереводимости», *Мосты. Журнал переводчиков*, № 1, с. 58-70.

Виноградов, ВС 2001, *Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы)*, ИОСО РАО, Москва.

Гарбовский, НК 2007, *Теория перевода*, МГУ, Москва.

Донская, ММ 2009, 'Интерсемиотический перевод: принцип параллельного развёртывания в сфере изучения структуры телевизионного рекламного дискурса', *Вестник московского государственного областного университета. Серия: лингвистика*, № 3, с. 173-177.

Егорова, ТВ 2014, *Словарь иностранных слов современного русского языка*, Аделант, Москва.

Звегинцев, ВА 1964, *История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях*, Ч. 1, 3-е изд., Просвещение, Москва.

Жеребило, ТВ 2010, *Словарь Лингвистических Терминов*, 5-е изд., Пилигрим, Назрань.

Жолковский, А 2003, *Эросипед и другие виньетки*, Водолей, Москва.

Илюшкина, МЮ 2015, *Теория перевода: основные понятия и проблемы*, Уральский университет, Екатеринбург.

Карзенкова, ЕП 2015, 'Взаимодействие близкородственных языков в ситуации обучения', *Филологические заметки*, Т. 1, № 13, с. 323-331.

Кедрова, ГЕ, Омельянова, ЕБ, Егоров, АМ, *Якобсон Роман Осипович (1896 - 1982)*, Русская фонетика, дата обращения: 20.09.2017, <http://fonetica.philol.msu.ru/bibl/jak.htm>

Коваленко ИВ 2011, 'Интерсемиотический перевод в межкультурном аспекте: постановка проблемы', *Известия волгоградского государственного педагогического университета*, № 2, с. 50-53.

Комиссаров, ВН 1990, *Теория перевода (Лингвистические аспекты)*, Высш. Школа, Москва.

Корюкина, НВ 2011, 'Intersemiotic translation (межсемиотический перевод)', в Раренко МБ (ред.), *Основные понятия англоязычного переводоведения: Терминологический словарь-справочник*, ИНИОН РАН, Москва, с. 110.

Леонтович, ОА 2010, 'Проблемы интерсемиотического перевода (на материале зарубежных экранизаций русской классики)', *Наука телевидения*, № 7, с. 144-157.

Лиходкина, ИА 2017, 'Отражение литературных образов в кинематографе или особенности интерсемиотического перевода', *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, № 3-3, с. 128-130.

Масленникова, ЕМ 2015, 'Внутриязыковой перевод как способ интерпретации вербальных знаков', *Иностранные языки: лингвистические и методологические аспекты*, № 30, с. 289-294.

Межова, МВ 2012, 'Проблема культурологической эквивалентности слова в переводе художественного текста', *Вестник КемГУКИ*, № 20, с. 78-82.

Мельник, НВ 2011, 'Гносеологический потенциал вторичного текста (на материале переводов)', *Вестник КемГУ*, № 1, с. 165-171.

Нелюбин, ЛЛ 2003, *Толковый переводоведческий словарь*, 3-е изд., Флинта: Наука, Москва.

Нелюбин, ЛЛ 2011, *Толковый переводоведческий словарь*, 5-е изд., стереотипное, Флинта: Наука, Москва.

Опарина, ЕО 2010, 'Эквивалентность перевода', в Раренко МБ (ред.), *Основные Понятия Переводоведения (Отечественный Опыт) Терминологический Словарь-Справочник*, ИНИОН РАН, Москва, с. 220-224.

Орёл, МА 2007, 'Место интерсемиотического перевода и перевода газетных заголовков в теории и практике перевода', *Вестник нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова*, № 1, с. 41-47.

Павлова, АВ 2013, 'Предисловие составителя', в Павлова АВ (сост.), *От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках*

«этнической ментальности»: *Сборник статей*, Антология, Санкт-Петербург, с. 5-24.

Паршин, А 1999, *Теория и практика перевода*, СГУ, СПб.

Полубиченко, ЛВ 2006, 'Семиотика. Перевод. Культура', *Сборник статей XIX международной научной конференции «Язык и культура»*, ТГУ, Томск, с. 252-260.

Потебня, АА 1976, *Эстетика и поэтика*, Искусство, Москва.

Пробштейн, Я 2014, *Соблазны перевода. Перевод как «перевоссоздание по болевым точкам»: от умения к искусству*, Гефтер, дата обращения: 07.07.2017, <http://gefter.ru/archive/13580>

Прунч, Э 2015, *Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической*, Пер. О. Боковой, О. Кашкиной, С. Семочко, С. Архипова, В. Шубина, Р. Валент, Москва.

Раренко, МБ 2010, 'Перевод', в Раренко МБ (ред.), *Основные Понятия Переводоведения (Отечественный Опыт) Терминологический Словарь-Справочник*, ИНИОН РАН, Москва, с. 115-117.

Раренко МБ 2015, '2015.03.013. Масленникова Е.М. Художественный перевод: новое о старом. - Тверь: Твер. Гос. УН-Т, 2014. - 240 с.', *Социальные и Гуманитарные Науки. Отечественная и Зарубежная Литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный Журнал*, № 3, с. 92-98.

Сдобников, ВВ, Петрова, ОВ 2007, *Теория перевода*, АСТ: Восток—Запад, Москва.

Сидоренко, СИ 2013, 'К вопросу о статусе и типологии внутриязыкового перевода', *Язык и культура в эпоху глобализации: сборник научных трудов по материалам первой международной научной конференции*, СПбГЭУ, Санкт-Петербург, с. 195-204.

Сорокина, ЭА 2011, *Теория перевода. История перевода (История Зарубежного Перевода)*, МИИТ, Москва.

Тимакина, ОА 2007, *Курс лекций по дисциплине «Теория перевода»*, ТулГУ: Тула.

Тинякова, ЕА 2015, *Методические материалы по гуманитарным дисциплинам, Ч. I: методички и рабочие программы*, Директ-Медиа, Москва-Берлин.

Тюленев, СВ 2004, *Теория перевода: Учебное пособие*, Гардарики: Москва.

Устинофф, М 2011, 'Роман Якобсон и французская школа перевода', *Логос*, Вып. 5-6, № 84, с. 35-49.

Федоров, АВ 2002, *Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы)*, Филология Три, Москва.

Чович, Б 2014, 'О трёх типах переводов: интерлингвистическом, интралингвистическом и трансмутации', *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*, № 3, с. 47-58.

Швейцер, АД 1988, *Теория перевода статус, проблемы, аспекты*, НАУКА, Москва.

Эко, У 2006, *Dire Quasi La Stessa Cosa Esperienze Traduzione (Сказать почти то же самое. Опыты о переводе)*, перевод Андрея Ковалёва, Симпозиум, СанктПетербург.

Якобсон, Р 1985, 'О лингвистических аспектах перевода', в Якобсон Р, *Избранные работы*, Прогресс, Москва, с. 361-368.

Web Gallery of Art, *The Marriage of the Virgin*, дата обращения: 14.03.2018, <https://www.wga.hu/index1.html>

Арт-каталог. Собрание живописи, графики и скульптуры, дата обращения: 05.03.2018, http://www.art-catalog.ru/data_picture_2016/picture/684/14757.jpg

